

Мифы «устойчивого развития»*

Глобальное потепление или «ползучий»
глобальный переворот?

Владимир Павленко

Коллективная безопасность и управление конфликтами

Проблема предотвращения глобальных угроз, сгруппированных в 6 основных блоков, рассмотренных в предыдущей части статьи¹, положена в основу представлений авторов доклада «Более безопасный мир: наша общая ответственность» об эффективной системе коллективной безопасности. При этом, начиная еще с 1992 г., с упомянувшегося доклада Генерального секретаря ООН «Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира» (A/47/277), предотвращение как принцип тесно увязывается с превентивностью действий, в том числе превентивным применением военной силы. Таким образом, формула коллек-

тивной безопасности, предлагаемая членами Группы высокого уровня ООН, приобретает следующий вид: «предотвращение – превентивность – применение силы». А создание эффективной системы коллективной безопасности, которая представлена фундаментом рассмотренного нами «нового консенсуса» по проблемам глобальной безопасности, требует полной и безоговорочной поддержки этого консенсуса всеми государствами.

Из доклада «Более безопасный мир...»:

«Мы рассматриваем здесь обстоятельства, в которых эффективная система коллективной безопасности может потребо-

ПАВЛЕНКО Владимир Борисович – доктор политических наук. E-mail: ako-pm@mail.ru

Ключевые слова: Глобальное управление, концепция устойчивого развития, коллективная безопасность, превентивная дипломатия, управление конфликтами, ООН, документы и доклады ООН, Комиссия ООН по миростроительству, «Новый мировой порядок».

* Продолжение. Начало см. «Обозреватель–Observer». 2010. №№ 9, 10, 11, 12; 2011. № 1.

вать поддержки в виде военной силы, и начнем с норм международного права, которые должны регулировать – во избежание анархии – любое решение начать войну (**включая внутренние конфликты – Авт.**).

...Военная сила, применяемая законным и надлежащим образом, является жизненно важной составной частью любой действенной системы коллективной безопасности в любом ее определении – *традиционно узком или более широком, которое мы бы предпочли...*

Поддержание мира и безопасности в мире в значительной мере зависит от наличия **общего глобального понимания того, когда применение силы является одновременно законным и легитимным (или «благоразумным»), и принятия этой концепции...**

Принцип невмешательства во внутренние дела не может использоваться для прикрытия актов геноцида или других злодеяний, таких, как **широкомасштабные нарушения норм международного гуманитарного права или массовые этнические чистки...**² (курс. – Авт.).

Во-первых, отметим очередной терминологический конфуз. Парадоксальным образом разводятся, если не противопоставляются друг другу, принципы «законности» и «легитимности». Вообще-то эти слова – синонимы. «Законность» – русский термин; «легитимность» – английский. «Благоразумность» же, которую авторы доклада пытаются отождествить с «легитимностью», чтобы противопоставить последнюю «законности», никакого отношения к ней на самом деле не имеет, а является синонимом другого термина, часто употребляемого в ООН-овских документах – «рациональности».

Но «докладчики» всего этого как будто «в упор не видят». Откуда у них такие «детские» проблемы?

Никакие это не «проблемы», а обыкновенная, весьма недобросовестная словесная эквилибристика – подмена понятий и перевертывание с ног на голову, к

которым мы уже привыкли. В частности, таким образом пытаются свести «законность» к «рациональности», под которой, как мы уже убедились, понимаются сначала «благое управление», а затем «благое правление».

Отмечая это, не забудем, что «рациональность» глобальной и внутренней политики авторами доклада признается важнейшей составной частью «Глобального партнерства в целях развития». Круг подмены понятий, таким образом, замыкается. Черное, как водится, благополучно выдается за белое, а белое представляется черным. Все в точности по В.С.Высоцкому:

«...Разницы нет никакой между правдой и ложью.

Если, конечно, и ту, и другую раздеть!».

Эти дешевые и низкопробные «наперсточные» приемы, свойственные, как учит христианская мифология, «князю мира сего», требуются авторам доклада для того, чтобы оправдать «пять базовых критериев легитимности», уже приводившихся нами¹. Прежде чем приступить к более подробному их рассмотрению, которого требует анализ, еще раз подчеркнем, что если эти пункты и можно считать «критериями», то именно своеобразно понимаемой «благоразумности», но никак не «легитимности», то есть «законности».

«При рассмотрении вопроса о том, санкционировать ли (задним числом – Авт.) или одобрить ли (в превентивном порядке – Авт.) применение военной силы, Совет Безопасности должен всегда учитывать ...следующие пять базовых критериев легитимности:

а) серьезность угрозы. Носит ли угроза причинения ущерба безопасности государства или человека такой характер и является ли она в достаточной мере ясной и серьезной, чтобы (по факту – Авт.) ...оправдать применение военной силы? Что касается внутренних угроз, то сопряжено ли это с геноцидом или серьезными

нарушениями международного гуманитарного права, которые носят реальный характер либо, как есть опасения, неизбежно произойдут!

б) правильная цель. Является ли очевидным, что главная цель предполагаемых военных действий состоит в том, чтобы нейтрализовать или предотвратить данную угрозу, (sic!) какие бы другие цели или мотивы ни существовали при этом?

с) крайнее средство. Были ли изучены все возможные варианты отражения данной угрозы и существуют ли разумные основания предполагать, что другие меры окажутся безуспешными?

д) соразмерность средств. Являются ли предполагаемые военные действия по своим масштабам, продолжительности и интенсивности минимально необходимым средством для отражения данной угрозы?

е) сбалансированный учет последствий. Существует ли разумная надежда рассчитывать на то, что при успешном осуществлении военных действий по отражению данной угрозы действия не вызовут худших последствий, нежели бездействие?

Эти руководящие принципы, касающиеся санкционирования применения силы, должны быть закреплены в декларативной форме в резолюциях Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи»² (выделено в документе, курс. – Авт.).

Здесь очень важно зафиксировать появление новой тенденции, выстраиваемой вслед за другими тенденциями, нами уже рассмотренными, сформировавшимися в рамках реализации «глобального плана» Римского клуба. Имеются в виду:

– отделение глобального политического управления от глобального экономического;

– создание вместо центрального субъекта глобального управления децентрализованной сети с выводом ряда глобально-управленческих институтов за пределы ООН;

– распространение внешнего контроля с экологической, экономической и социальной сфер на области политики, геополитики и геостратегии.

Данная, четвертая по счету тенденция, дополняющая и уточняющая этот план – переориентация ООН и, по большому счету, всего мирового сообщества с внешних конфликтов, которыми Организация занималась до 1991 г., на внутренние. В центр внимания стоящих за спиной ООН «частных и независимых групп», следовательно, ставится теперь подрыв не международной, а внутренней стабильности как создание повода для внешнего вмешательства, в результате которого, как показал югославский опыт, глобально-управленческие структуры и силы получают возможность закрепиться в определенной стране и через нее – в определенном регионе. А заодно тем самым – за счет формирования в таких странах и регионах марионеточных правительств и блоковых структур – продолжает расширяться список участников проамериканского «агрессивно-послушного большинства» в международных и межправительственных организациях.

Во-вторых, оправдывая вмешательство во внутренние конфликты, авторы доклада увязывают «новый консенсус» в его «широком» прочтении с положенными в основу глобального управления «общими ценностями». Это, в свою очередь, ограничивает государственные суверенитеты рамками «прав и обязанностей», обусловленных необходимостью «принятия этой концепции» в рамках «общего глобального понимания».

Уточнению этого насквозь конъюнктурного, лживого, выдержанного в духе «двойных стандартов» тезиса служит поразительное по своему цинизму признание, что осуществляемая якобы «во благо» интервенция может иметь еще и другие «цели и мотивы», помимо заявленных. Но это ни в коем случае не должно не только останавливать, но и просто волновать. Как говорится, не ваше дело!

Не менее показательны обращения авторов доклада к таким, с позволения сказать, «весомым» аргументам как «разумная надежда» и «разумное основание». Всегда ведь в дальнейшем можно сказать, что «разумные основания» вмешаться в конфликт были, а «разумная надежда» не оправдалась. Кто потом рискнет начать разбирательство, оказались ли завершившиеся военные действия «минимально необходимыми» и не привели ли они «к худшим последствиям, нежели бездействие». «Игра» сыграна, поэтому и взятки гладки!

В-третьих, все, что касается «актов геноцида» или «этнических чисток» и особенно «нарушения норм международного гуманитарного права» в докладе прочитывается максимально широко и получает самую жесткую оценку только в том случае, если проделывающие все это являются, по известному афоризму Т.Рузвельта, «чужими мерзавцами». Когда же мерзавцами оказываются «свои», точно такие же деяния обычно «спускаются на тормозах», а сами «мерзавцы» либо отправляются на «заслуженный отдых», либо сохраняются у власти. Иногда, как в случае с Саддамом Хусейном, – «до лучших времен», когда придет время принести их в «ритуальную жертву» новым задачам очередного раунда геополитической «Большой игры».

Таким образом, «новый консенсус» по отношению к коллективной безопасности ставит государства перед дилеммой. Как записано в Итоговых документах Всемирных саммитов по «Целям развития тысячелетия» («ЦРТ») в Нью-Йорке (2005 и 2010 гг.), выбор состоит между подчинением англосаксонскому Западу, которое маскируется под «выгоды от принятия международных правил», и сохранением независимости и самостоятельности, отождествляющейся с «ограничениями, налагаемыми сужением стратегического пространства»³.

Авторы доклада, конечно же, являются сторонниками проведения решений о применении силы через Совет Безопасности ООН, предлагая его членам искать «веские аргументы в пользу превентивных военных действий и веские доказательства в их подтверждение»². Но при этом они прекрасно отдают себе отчет в субъективности любой подобной аргументации. А, следовательно, в неоднозначности восприятия и оценок конкретных ситуаций нынешними постоянными членами Совбеза, которые зависят от их национальных и блоковых интересов.

Отсюда в докладе появляется недоверие к главному руководящему органу ООН, намеки на его «бессилие и бесполезность», плавно перетекающие в пожелание скорейшего реформирования в «правильном», с точки зрения авторов доклада, направлении.

«Совет Безопасности имеет все полномочия в соответствии с главой VII Устава ООН на то, чтобы заниматься всем спектром угроз безопасности, с которыми сталкиваются государства. Задача состоит не в том, чтобы найти альтернативу Совету Безопасности как источнику властных полномочий, а в том, чтобы сделать так, чтобы Совет работал лучше, чем до сих пор»² (выделено в документе – Авт.).

Разобравшись с теоретической частью проблемы «превентивного» применения военной силы, Группа высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам с чувством исполненного долга переходит к наиболее милым сердцу ее членов практическим вопросам, в центр которых поставлено миротворчество.

Здесь без «наперсточных» приемов также не обходится. Проследим, например, как «изящно» и непринужденно стирается грань между миротворческими операциями «по согласию» и «по принуждению».

«Путаницу в обсуждение вопроса о необходимых силах и средствах внесла тенденция называть миссии по поддержанию мира «операциями на основании главы VI (Устава ООН – Авт.)», то есть операциями, основанными на согласии, а миссии по принуждению к миру «операциями на основании главы VII», то есть операциями, основанными на принуждении...

Обе формулировки являются в какой-то степени ошибочными. Действительно, существует различие между операциями, в которых решительное применение силы является неотъемлемым элементом миссии с самого начала (например, действия по реагированию на трансграничное вторжение или вспышку насилия, в контексте которых в последнее время сложилась практика санкционировать развертывание многонациональных сил), и операциями, в контексте которых существует *разумная надежда (куда ж без нее! – Авт.)* на то, что силу, может быть вообще не потребуется применять (например, традиционные миротворческие миссии по наблюдению за прекращением огня и его проверке или миссии по содействию осуществлению мирных соглашений, в рамках которых до сих пор, как правило, задействуются «голубые каски»).

...Это обусловлено тем, что *даже самая благоприятная обстановка может ухудшиться – когда появляются желающие испортить дело путем подрыва мирного соглашения* и создания угрозы гражданскими лицам – и что *желательно иметь полную уверенность в отношении способности миссии предпринять ответные силовые действия, если в этом возникнет необходимость*.

...Генеральный секретарь должен рекомендовать, а Совет Безопасности должен санкционировать развертывание сил такой численности, которой достаточно для того, чтобы сдерживать враждебные группировки и дать им отпор»² (выделено в документе, курс. – Авт.).

Итак, никакого различия между миротворческими «операциями по согласию» и «по принуждению» не существует: готовиться к тем и другим нуж-

но одинаково. Ибо когда «разумная надежда» на безоговорочную капитуляцию стороны, подвергающейся «регулированию», «не оправдывается» (как с сербами в Косово или хорватской Сербской Краине), всегда найдутся «свои мерзавцы», готовые спровоцировать управляемую эскалацию конфликта. Например, Армия освобождения Косова (АОК).

Здесь, правда, имеется один важный нюанс.

«Начиная с середины 90-х годов наблюдается тенденция к развертыванию различных миротворческих миссий на региональной и субрегиональной (то есть *натовской – Авт.*) основе. Эта тенденция порождает надежду на *формирование регионального потенциала...*, причем, это должно усилить, а не ослабить способность ООН принимать меры реагирования, когда поступают просьбы о направлении «голубых касок». Это ставит перед Советом Безопасности и региональными организациями задачу *налаживания тесного взаимодействия и оказания взаимной поддержки* в усилиях по поддержанию мира и обеспечению того, чтобы в ходе региональных операций не нарушались общепринятые стандарты в области прав человека...»² (курс. – Авт.).

Кто-нибудь слышал о «тесном взаимодействии и взаимной поддержке» между Советом Безопасности ООН и кем-нибудь еще, кроме членов Европейского союза (ЕС) и НАТО, если, конечно, не брать во внимание экстраординарный пример совместного участия натовских и российских военных кораблей в операции по обеспечению безопасности международного судоходства в Аденском заливе?

Но вот имеет ли место миротворческое взаимодействие ООН хоть в каком-либо вопросе, скажем, с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), ведущую роль в которой играет Россия? Или с ШОС – международной организацией, возло-

жившей на себя ответственность за обеспечение безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), стержнем которой является мощная китайско-российская «ось»?

Кроме подтверждения на уровне ООН миротворческих миссий, которыми наша страна наделена в рамках СНГ, таких примеров нет! Да и эти исключения, по опыту обсуждений в Совете Безопасности ООН ситуации в зоне грузино-югоосетинского конфликта, США и их союзники по НАТО изо всех сил стремились ликвидировать, предлагая заменить российских миротворцев СНГ европейскими или, хотя бы, смешанными миссиями.

Иначе говоря, столь беспардонно смешивать операции «по согласию» с операциями «по принуждению» стало возможно только после фактической передачи глобальных миротворческих функций блоку НАТО, который при организационной и политической поддержке ряда руководящих органов ООН в ходе расширения на восток создал разветвленную систему партнерств и вовлек в нее практически всех членов ОБСЕ. А с 2002 г., в рамках решений Пражского саммита НАТО, приступил к созданию в этих целях Сил реагирования, способных в считанные часы и дни «правильно» отвечать на провокации, осуществляемые в рамках управления конфликтами «своими», то есть проамериканскими «мерзавцами».

Правда, иногда этот механизм дает «системный сбой», как случилось в августе 2008 г. в Южной Осетии, и военное вмешательство на стороне «своего мерзавца» становится невозможным ввиду наличия у потенциального противника в регионе собственной миротворческой миссии, а также – и это главное – ракетно-ядерного оружия. В этом случае англосаксам приходится, временно отступая, активизировать

дипломатические усилия по достижению под предлогом «перезагрузки» масштабных сокращений российского ядерного потенциала.

Следует, правда, иметь в виду, что взаимное снижение уровней ядерного сдерживания все активнее выводит на передний план подавляющее превосходство США и НАТО в обычных, конвенциональных вооружениях. Но это уже несколько другая тема.

Возвращаясь к миротворческим операциям и миссиям, следует отметить, что по линии США и НАТО предпринимаются все возможные и невозможные усилия, чтобы обеспечить видимость их «многосторонности».

Из доклада «Более безопасный мир...»:

«В настоящее время ...общее предложение персонала **(для миротворческих операций – Авт.)** ограничено из-за того, что вооруженные силы многих стран до сих пор организованы по схеме времен холодной войны, в соответствии с которой менее 10 процентов военнослужащих готовы в любой момент к активному развертыванию, и из-за того, что лишь немногие страны обладают достаточными возможностями в плане транспорта и материально-технического обеспечения, позволяющими осуществлять переброску и снабжение тех контингентов, которые могут быть предоставлены. Чтобы поддержание мира и – в крайних случаях – принуждение к миру продолжали оставаться эффективным ...инструментом коллективной безопасности, необходимо добиться увеличения числа имеющихся в наличии миротворцев. **Развитые государства несут особую ответственность в этой связи и должны сделать больше для реорганизации своих сил и средств таким образом, чтобы в их составе были контингенты, пригодные для использования в операциях в пользу мира.**

Однако маловероятно, что потребность в быстром реагировании удастся удовлетворить только за счет использования механизмов ООН. Мы приветствуем решение ЕС создать способные к самостоятельным

действиям батальоны постоянной высокой готовности, которые могут укрепить миссию ООН. **Других, кто обладает развитым военным потенциалом, следует поощрять к тому, чтобы они создавали аналогичные формирования (sic!) численностью до бригады и предоставляли их в распоряжение ООН**⁸ (выделено в документе — Авт.)

Сказано предельно ясно: включать в состав международных миротворческих сил под эгидой ООН воинские контингенты всех развитых в военном отношении стран. Естественно, включая Россию. А, поскольку организационная структура этих формирований выстроена по принятому в НАТО бригадно-батальонному принципу, на такой принцип необходимо перевести всех. Чтобы при необходимости быстро адаптировать миротворческие контингенты под стандарты НАТО.

Выше мы уже подчеркивали, что по оценкам ведущих отечественных военных специалистов – президентов Академии военных наук и Академии геополитических проблем генерала армии М.А.Гареева и генерал-полковника Л.Г.Ивашова, «сердюковская» военная реформа предназначена для перевода российских Вооруженных Сил на стандарты НАТО. Это, безусловно, может означать подспудную подготовку нашей страны и нашей армии к включению в Североатлантический альянс.

Но, по-видимому, имеется и более близкая, прикладная, если можно так выразиться, задача: обеспечить участие новоиспеченных российских бригад и батальонов в миротворческих операциях под натовским командованием, закрыв за счет нашей страны зияющую нехватку миротворцев, например, на Ближнем Востоке и в Афганистане.

Что это глупость или предательство?!

Приближаемся к главному. Управление конфликтами в рамках системы коллективной безопасности, возлагае-

мое Группой высокого уровня ООН преимущественно на США и НАТО, а также на формирующиеся бригады и батальоны их нынешних и будущих сателлитов, предполагает решение более широкого круга задач, нежели миротворческие операции.

«Развертывание сил по принуждению к миру и сил по поддержанию мира может иметь существенно важное значение для прекращения конфликтов, однако этого недостаточно для долгосрочного восстановления. Исключительно важно уделить серьезное внимание долгосрочному процессу миростроительства во всех его многочисленных аспектах; недовложение средств в миростроительство повышает вероятность того, что в стране вновь вспыхнет конфликт.

Ни ООН, ни международное сообщество в более широком плане, включая международные финансовые учреждения, не организовали дело таким образом, чтобы оказывать помощь странам, пытающимся обеспечить мир, в период, предшествующий вспышке гражданской войны, и в период выхода из войны. Когда миротворцы покидают страну, она выпадает из поля зрения Совета Безопасности... Необходим единый межправительственный орган, специально занимающийся вопросами миростроительства, уполномоченный осуществлять мониторинг и уделять пристальное внимание странам, входящим в группу риска, обеспечивать согласованность действий доноров, учреждений, программ и финансовых учреждений и заниматься мобилизацией финансовых ресурсов для обеспечения устойчивого мира...

Специальные представители должны иметь полномочия и инструкции в отношении сотрудничества с соответствующими сторонами в целях создания таких механизмов («...охватывающих правительств, двусторонних доноров, международные финансовые учреждения и координатора ООН – специального представителя Генерального секретаря или координатора-резидента» – Авт.), а также ресурсы, позволяющие эффективно выполнять координа-

ционные функции, включая (sic!) обеспечение того, чтобы порядок проведения ООН оценок и мероприятий соответствовал приоритетам правительства»² (выделено в документе, курс. — Авт.).

Прежде всего, подчеркнем сделанную авторами «оговорку по Фрейду»: «международное сообщество в широком плане» включает «международные финансовые учреждения», выражающие, как мы знаем, интересы глобальной олигархии. Без нее, следовательно, международное сообщество авторами доклада признается как существующее сугубо в узком плане. Это и понятно: как помним, не «частным и независимым группам» предлагается адаптироваться к интересам учреждений ООН и правительств, а ровным счетом наоборот. Как тут не вспомнить весьма характерную картину будущего, представленную Г.Уэллсом в футурологическом романе «Машина времени»!

Теперь по существу приведенного фрагмента.

Во-первых, оказывается, что знакомая нам формула коллективной безопасности «предотвращение – превентивность – применение силы» не является исчерпывающей. Ибо «когда миротворцы покидают страну», Совет Безопасности (а, точнее, определенные страны в его составе) сразу же теряют над ней контроль. И она – не дай Бог! – может свернуть на самостоятельный, независимый путь развития. Поскольку допускать этого, разумеется, никто не собирается, указанная формула достраивается четвертым звеном – «миростроительством», распространяющим процесс управления конфликтами на постконфликтное урегулирование.

Миростроительство признается «долгосрочным», но «необходимым» процессом. Обеспечивая условия для разрушения и перерождения традиционных для подвергшейся «урегулирова-

нию» страны ценностей и норм, оно предоставляет победителям гарантии того, что деньги потрачены недаром, и в «глобальном плане» вовлечения государств в «новую сборку», осуществляемую под флагом «глокализации», можно поставить очередную «галочку».

Во-вторых, из приведенного фрагмента следует, что «необходим единый межправительственный орган», целенаправленно занимающийся «странами, входящими в зону риска».

Обратим внимание: с одной стороны, межправительственный формат предлагаемого органа, которым – не будем скрывать – и стала многократно упоминавшаяся нами Комиссия по миростроительству (КМС), максимально адаптирован к аналогичному формату всех основных глобально-управленческих институтов. Напомним, что он оказался востребованным в рамках перехода от первого варианта создания субъекта глобальной власти внутри ООН – в лице Совета экономической безопасности (СЭБ) – ко второму варианту, предполагавшему сетевую децентрализацию этого субъекта и его выведение за пределы Организации. Именно тогда существующие межправительственные институты – «Группа восьми», Конференция ООН по окружающей среде и (устойчивому) развитию – принялись либо делиться своими полномочиями, либо просто передавать их начавшим появляться как грибы после дождя новым структурам: Всемирному саммиту по «ЦРТ», «Группе двадцати», Форумам мировой политики. Отнюдь не последней из таких структур стала КМС.

С другой стороны, в сферу взаимосвязей этого нового органа был включен самый широкий круг субъектов, являющихся источниками «мобилизации финансовых ресурсов» – государств-доноров и международных финансовых учреждений. Среди последних выделяются:

– Группа Всемирного банка и МВФ, которым после отказа от проекта СЭБ отводится функция «центров (глобального) управления»; в рамках нового, «сеульского» консенсуса функции МВФ, видимо, существенно расширяются;

– «фонды и мозговые тресты», включающие, как помним, целый ряд мощнейших финансовых империй, входящих в «топ-список» глобальной олигархии, – Фонды Форда, Рокфеллера и братьев Рокфеллеров, Комиссию Карнеги и др.;

– региональные финансовые структуры, наиболее известными из которых являются Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Азиатский банк развития (АБР) и др.

Нетрудно заметить, что приведенная триада практически полностью совпадает с триадой институтов децентрализованного сетевого глобального управления, приведенной в предыдущей части статьи, включают:

– группу Всемирного банка вместе с МВФ, который реформируется по решениям саммита «двадцатки» в Сеуле, обозначившим начала дрейфа мировой финансовой системы от «вашингтонского» к «сеульскому» консенсусу;

– представляющие интересы глобальной олигархии «академические круги», «фонды и мозговые тресты», объединенные в Совете по международным отношениям (СМО), Бильдербергском клубе и Трехсторонней комиссии;

– региональные организации во главе с НАТО, ЕС, а также ОБСЕ.

Также – это нужно подчеркнуть особо – на новый, более высокий уровень выводится процесс финансирования глобального управления в целом как проекта, конечной целью которого является установление «Нового мирового порядка». С этой точки зрения со-

здание Комиссии ООН по миростроительству призвано упорядочить решение соответствующего комплекса проблем, которым в 2002 г. была посвящена специальная Международная конференция по финансированию (устойчивого) развития в Мексике, выработавшая Монтеррейский консенсус.

Текущим вопросам финансирования «устойчивого развития», а, следовательно, глобального управления и являющегося его функцией миростроительства была посвящена и другая, получившая еще более широкую известность международная конференция – в Дохе (2008 г.). Однако к согласию ее участники, как известно, не пришли и по сей день.

В-третьих, сосредоточение столь серьезных ресурсов в рамках единой структуры, функционирующей, к тому же, в межправительственном формате, превращает заявленную перспективу приведения приоритетов правительства в соответствии с «оценками и мероприятиями ООН» в реальную угрозу всем правительствам, не готовым эти приоритеты поменять или, как минимум, существенно скорректировать.

Сдача же правительствами государственных приоритетов в пользу глобальных структур будет тщательно контролироваться с помощью «специальных представителей», наделенных «полномочиями и инструкциями», позволяющими им координировать все звенья глобально-управленческой цепочки.

В «зону риска» (то есть внимания КМС), следовательно, автоматически попадает любая страна, государственное руководство которой, следуя независимым курсом, не выполняет предписанные ему рекомендации «благотворительного управления». Мы уж не говорим про такие атрибуты подобного правления как «демократия», «права человека», «рынок» и т.д.

Это означает, что к любому такому государству вполне может быть применена завершенная нами формула «предотвращение – превентивность – применение силы – постконфликтное миростроительство». Для этого, прежде всего, готовится и разжигается внутренний конфликт, что продлевается с помощью «пятой колонны», создаваемой из компрадорских кругов и разнообразных меньшинств, в первую очередь этнических. Затем начинается управление этим конфликтом с помощью провокаций, осуществляемых «своими мерзавцами», и последующей эскалации «гуманитарного вмешательства» от «согласия» до «принуждения»*.

После этого наступает черед постконфликтного урегулирования, то есть, демобилизации и разоружения местных вооруженных формирований.

«...Демобилизация комбатантов представляет собой исключительно важный ...фактор, определяющий степень успеха операций в пользу мира. Без демобилизации невозможно добиться прекращения гражданских войн, а усилия по достижению других важнейших целей, таких, как демократизация, справедливость и развитие (устойчивое – Авт.), имеют мало шансов на успех... Совет Безопасности должен санкционировать, а Генеральная Ассамблея должна уполномочивать выделение средств на осуществление программ разоружения и демобилизации из бюджетов, финансируемых за счет начисленных взносов»² (выделено в документе, курс. – Авт.).

И, наконец, завершающий, четвертый этап – разрушение прежних и создание новых государственных и псев-

догосударственных институтов с параллельным включением взятой под контроль страны в те или иные глобальные процессы. Предполагается, что осуществление задач этого этапа ляжет на плечи оккупационной администрации, помогать которой будут «уполномоченные», представляющие местное «гражданское общество».

Самих этих уполномоченных также будут готовить по специальным программам на иностранные средства не только ООН, но различных «фондов и мозговых трестов». Особое внимание, надо полагать, будет уделяться дискредитации «позорного» прошлого взятой под контроль страны и закреплению новых, «демократических» ценностных ориентиров в политической элите, а также среди молодежи – наиболее податливой для подобной психологической обработки фокусной группы.

«Наряду с обеспечением безопасности, ключевой задачей миростроительства является создание эффективных государственных институтов, которые путем проведения переговоров с гражданским обществом могут разработать согласованные рамки управления на основе соблюдения законности. Относительно небольшие инвестиции в обеспечение безопасности людей благодаря реформированию полиции, проведению судебной и правовой реформ, созданию местного потенциала по обеспечению защиты прав человека ...могут в значительной мере способствовать долгосрочному процессу миростроительства...»

Представителям ООН на местах (включая руководителей операций по поддержанию мира) для решения этой

* Предновогодние события в России, связанные с беспорядками на национальной почве, вынесением второго обвинительного приговора экс-главе ЮКОС М.Н. Ходорковскому и протестной акцией, проведенной активистами радикально-оппозиционных организаций на Триумфальной площади в Москве, ярко очертили круг таких «компрадоров» в России. Помимо ориентированных на Запад либерально-олигархических интересов, в этот круг «пятой колонны» входят активисты «оранжевой» и так называемой «национально-демократической» оппозиции, все активнее эксплуатирующей регионально-сепаратистские идеи и лозунги.

задачи требуется целенаправленная поддержка по более широкому аспектам стратегии миростроительства, особенно в том, что касается утверждения законности. Создание отдела по поддержке миростроительства (в реальности в структуре ООН был создан даже не отдел, а целое Управление — Авт.) способствовало бы удовлетворению этой потребности»² (курс. — Авт.).*

«Согласованные» с местным «гражданским обществом» «рамки управления», особенно в сочетании с «реформированием полиции, проведением судебной и правовой реформ» — меры, производящие сильное впечатление. Особенно с учетом соответствующего исторического опыта, зафиксированного приведенным нами в сноске к данному фрагменту выдержками из приказов Гимmlера, Розенберга и Гальдера по формированию полицейской администрации на оккупированной советской территории.

Для того же, чтобы освежить в памяти представления о том, из кого именно будет рекрутироваться «гражданское общество», на которое оккупантами де-

ляется особая ставка, повторно процитируем уже приводившийся в третьей части статьи фрагмент из доклада Генерального секретаря ООН «Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира» (1992 г.)⁵:

«Для того, чтобы быть успешными, миротворчество и операции по поддержанию мира должны включать ...всеобъемлющие усилия по определению и поддержке (sic!) структур, которые будут иметь своей тенденцией укрепление мира и вселение в людей чувства уверенности и благополучия. На основе соглашений, прекращающих гражданский конфликт, они могут включать в себя ...надзор над проведением выборов, содействие усилиям по защите прав человека, реформирование или укрепление правительственных учреждений и (sic!) содействие формальным и неформальным процессам политического участия»⁶ (курс. — Авт.).

К «структурам, имеющим тенденцией укрепление мира и вселение в людей чувства уверенности» и «содействующим формальным и неформальным процессам политического участия», мы, как помним, уже относили все те

* «5 июля 1941 г. рейхсфюрер СС подписал приказ «О задачах полиции на оккупированных территориях». В документе подчеркивалось: «Необходимо создать дополнительные охранные формирования из подходящей для нас части населения оккупированных областей». О привлечении местных жителей в полицию речь велась и в приказе Гимmlера от 31 июля 1941 г. «О создании охранных формирований». 6 ноября 1941 г. рейхсфюрер СС подписал приказ, регламентирующий вопросы формирования и деятельности вспомогательной полиции на территории зоны оккупации В. Согласно этому документу, все созданные в гражданской зоне оккупации из местного населения охранные и полицейские формирования объединялись во «вспомогательную службу полиции порядка» (*Schutzmannschaft der Ordnungspolizei*).

9 ноября 1941 г. статус вспомогательной полиции в зоне гражданского управления был окончательно закреплён в совместном приказе шефа СС и министра по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберга «О подчиненности полицейских служб на оккупированных территориях».

Основным же руководящим документом, регулирующим, в частности, различные вопросы формирования и деятельности вспомогательной полиции в военной зоне оккупации, следует считать подписанный начальником Главного штаба сухопутных войск генерал-полковником Ф.Гальдером приказ № 8000/42 от августа 1942 г. «В отношении вспомогательных сил на оккупированных восточных территориях». Согласно этому документу, подразделения охраны (служба порядка) в зоне военных действий формируются «из добровольцев или освобожденных военнопленных оккупированных областей». Эти подразделения с постоянной дислокацией предназначены для полицейских и охранных функций или «отдельных задач»⁴.

же АОК и «правительство Чеченской республики Ичкерия», а к «соглашениям, прекращающим гражданский конфликт», соответственно, Парижское и Хасавюртовское мирные соглашения.

В заключение отметим главное: тем, что развитие событий в подобной последовательности пока затрагивает лишь периферию постсоветского пространства, не проникая в его ключевые центры, мы обязаны двум факторам – праву «вето», которым Российская Федерация обладает в Совете Безопасно-

сти ООН, а также сохраняющемуся ракетно-ядерному потенциалу сдерживания. Если хотя бы одна из этих позиций будет утрачена, шансы на то, что мы испытаем все «прелести» процесса «миростроительства» на собственной шкуре, сильно возрастут.

При утрате обоих факторов вероятность разрушения страны и ее включения по частям в сферы влияния различных союзников США в Европе, а также в Азии, на наш взгляд, приближается к 100%.

Комиссия ООН по миростроительству

Создание Комиссии объясняется переходом «частных и независимых групп» от первого варианта реализации «глобального плана» Римского клуба – с Советом экономической безопасности (СЭБ) в качестве главного субъекта глобального управления, своего рода «мирового правительства», ко второму варианту – децентрализован-

ной сети, в которой роль такого правительства отводится различным проектам. Для реализации каждого из подобных проектов, как помним, всякий раз осуществляется специальный подбор и иерархическая организация определенных глобальных институтов, связанных с конкретной спецификой решаемой проблемы.

«Миростроительство» как политическая проблема. Эволюция теоретических подходов

Как мы установили, создание Комиссии ООН по миростроительству является следствием воздействия на глобальное управление четырех взаимосвязанных процессов, развивающихся в рамках стратегии «устойчивого развития».

Первый из них – отделение глобального политического управления от глобального экономического, начало которому было положено первым «политическим» форумом ООН – Саммитом тысячелетия (2000 г.).

Второй процесс, тесно связанный с первым, – вывод основных структур (центров) децентрализованной глобально-управленческой сети за пределы ООН – в «Группу двадцати» в экономике и «Группу восьми», а также Комиссии по глобальному управлению и глобализации, Форумы мировой политики в политической сфере.

В качестве третьего процесса следует рассматривать общую эволюцию глобального управления от проблематики, представленной в качестве «устойчивого развития» (экологии и экономики) к политической и военно-политической сферам. То есть, в целом, к геостратегии.

Четвертый процесс – смена приоритетов в выборе объектов для управления конфликтами. Место межгосударственных конфликтов заняли внутренние, используемые в целях вовлечения различных стран и окружающих их регионов в сферу глобального управления. Именно это, в конечном счете, и отождествляется с «миростроительством».

Формирование этих процессов обусловлено воздействием на глобальную ситуацию тесного симбиоза ряда

объединенных глобальной олигархией международных финансовых институтов (Группы Всемирного банка, МВФ и других структур «вашингтонского консенсуса», региональных банков реконструкции и развития, базельского Банка международных расчетов), а также академических и международных «фондов и мозговых трестов». Важная роль в этом симбиозе отводится региональным организациям, на ведущую роль среди которых постепенно выдвигаются НАТО, Европейский союз и ОБСЕ.

Неоднократно упоминая КМС, мы в целом разобрались с ее ролью и местом в структуре институтов глобального управления – служить высшей легальной инстанцией, занимающейся управляемым урегулированием внутренних конфликтов, а также связующим звеном между институтами глобального управления внутри и вне ООН, прикрывающим их деятельность авторитетом Организации.

Чтобы убедиться в этом, проследим эволюцию «миростроительной» проблематики от Декларации тысячелетия до Итогового документа Всемирного саммита по «ЦРТ» 2005 г., на котором КМС, собственно, и была учреждена. В связи с этим отметим три вещи:

– решение о разделении глобально-экономического и глобально-политического управления к тому времени уже было принято (о чем, собственно, и свидетельствовал сам факт проведения Саммита тысячелетия) и, следовательно, переход к практике «миростроительства» являлся не просто важнейшей, а ключевой частью этого решения, заменившей в «глобальном плане» проект СЭБ;

– между Саммитом тысячелетия (2000 г.) и учредившим КМС Всемирным саммитом 2005 г. был обнародован подробно рассмотренный нами программный доклад Группы высоко-

го уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир...» (2004 г.). Как мы уже убедились, задачи «миростроительства» в нем формулировались практически в законченном виде;

– в соответствии с предваряющей этот доклад Запиской Генерального секретаря ООН, решение о создании Группы высокого уровня ООН принималось немногим более, чем за год до обнародования доклада (сентябрь 2003 г.).

Теперь конкретика, взятая из Декларации тысячелетия (2000 г.):

«Мы приложим все усилия к тому, чтобы освободить наши народы от бедствий войн, будь то внутри государств или между государствами...»

Поэтому мы преисполнены решимости:

– повышать эффективность ООН в деле поддержания мира и безопасности путем предоставления в ее распоряжение ресурсов и инструментов, необходимых для предотвращения конфликтов, мирного разрешения споров, проведения операций по поддержанию мира, постконфликтного миростроительства и реконструкции. В этой связи мы принимаем доклад Группы по операциям ООН в пользу мира (**документ ООН А/55/305 от 21 августа 2000 г., упоминавшийся нами в качестве одного из установочных документов миростроительства – Авт.**) и просим Генеральную Ассамблею оперативно рассмотреть ее рекомендации;

– укреплять сотрудничество между ООН и региональными организациями...;

– обеспечить соблюдение государствами-участниками договоров в таких областях, как контроль над вооружениями и разоружение, и норм международного гуманитарного права в области прав человека;

– предпринять согласованные действия по борьбе против международного терроризма и присоединиться как можно скорее ко всем соответствующим международным конвенциям;

– ...активизировать наши усилия по борьбе с транснациональной преступностью...;

– добиваться ликвидации оружия массового уничтожения, особенно ядерного оружия, и сохранять открытыми все имеющиеся возможности для достижения этой цели, включая возможность созыва международной конференции для определения путей и способов устранения ядерной угрозы;

– предпринять согласованные действия для прекращения незаконного оборота стрелкового оружия и легких вооружений..., особенно посредством ...поддержки региональных мер по разоружению...;

– обратиться ко всем государствам с призывом рассмотреть возможность присоединения к Конвенции о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин...

Мы настоятельно призываем государства-члены соблюдать «олимпийское перемирие», индивидуально и коллективно...»⁷ (курс. – Авт.).

Итак, во-первых, соответствующий раздел Декларации тысячелетия, именуемый «Мир, безопасность и разоружение», формально не связан с «миростроительством». Тем не менее, он не только конкретизирует общие подходы к нему, но и, благодаря формулировке, объединяющей конфликты между государствами с внутренними, прямо в него включается. Так, перечень конкретных «превентивных» мер «миростроительства» предусматривает наделение ООН соответствующими «ресурсами и инструментами». Кроме того, ставятся задачи укрепления сотрудничества ООН с «региональными организациями» – НАТО, ЕС, ОБСЕ, а также усиления ее влияния на процесс разоружения не только ядерного, но и конвенционального, борьбу с терроризмом и организованной преступностью и т.д.

Иначе говоря, «миростроительство» здесь предстает некоей квинтэссенцией

усилий англосаксонского проектного центра Запада по укреплению глобального доминирования с использованием всего спектра глобально-управленческих институтов внутри и вне ООН.

Отметим также требование соблюдать «олимпийское перемирие», проливающее свет на подлинные корни агрессии режима Саакашвили против Южной Осетии, совершенной в день открытия XXIX летних Олимпийских Игр (2008 г.) в Пекине. Очевидно, что расчет грузинской верхушки строился на том, что Москва, в отличие от «прикрытого» Вашингтоном Тбилиси, убоится неизбежной критики, связанной с нарушением этого перемирия. И, следовательно, стерпит очередной «щелчок по носу» от американской марионетки, оставив его безответным и безнаказанным.

Во-вторых, в части, касающейся приведенного в Декларации тысячелетия перечня «превентивных» мер по обеспечению мира, безопасности и разоружения, содержание этого документа входит в серьезное противоречие с «Целями развития тысячелетия» («ЦРТ»), которые преподносятся глобальными СМИ в качестве главного достижения Саммита тысячелетия.

Дело в том, что, как мы уже установили, семь из восьми «ЦРТ» – с первой по седьмую – посвящены сугубо гуманитарным проблемам. Никакого упоминания не только о «миростроительстве», но и просто о политике там не содержится. Только экология, экономика и социальная сфера.

И лишь последняя, восьмая «Цель», посвященная «Всемирному партнерству в целях развития» начинает вводить их в политический контекст «глобального плана». Причем делает это она крайне осторожно с упором исключительно на ту же экологическую, экономическую и социальную проблематику. Политика здесь лишь «угадывается»:

«...8. Сформировать всемирное партнерство в целях развития:

– Развить открытую торговую и финансовую систему, действующую на основе правил, предсказуемую и беспристрастную...;

– Решить особые нужды наименее развитых стран (...беспошлинный и неквотируемый доступ к экспортируемым ими товарам, ...облегчение долгового бремени..., ликвидация официального двустороннего долга и т.д.);

– Решить особые нужды не имеющих выхода к морским путям и малых островных развивающихся государств;

– Всесторонне решать проблемы задолженности развивающихся стран путем принятия национальных и международных мер...;

– В сотрудничестве с фармацевтическими компаниями обеспечить развивающимся странам доступность необходимых лекарств;

– В сотрудничестве с частным сектором сделать доступными блага новых технологий, особенно информационные и коммуникационные»⁸.

Иначе говоря, налицо явный разрыв между Декларацией тысячелетия – политическим документом, подчиняющим императивам глобального управления все основные аспекты национального (государственного) развития, и максимально дистанцированными от политики «Целями развития тысячелетия», о глобальном управлении не упоминающими, сосредоточенными исключительно на «заботе» о нуждах бедствующих людей и развивающихся стран.

Преодоление этого разрыва, разумеется, в направлении укрепления институтов и расширения масштабов глобального управления осуществляется не сразу, а очень осторожно и последовательно и продолжается на протяжении всего первого десятилетия XXI в.

Происходит это в три «хода», каждый из которых одновременно и явля-

ется самостоятельной спецоперацией, и встраивается в общий контекст параллельного внедрения идей «устойчивого развития» в мировое общественное сознание и практику глобального управления.

Первым ходом становится содержащийся в докладе «Более безопасный мир...» и рассмотренный нами выше переход от восьми «ЦРТ» к шести основным «блокам угроз международной безопасности». С помощью этого маневра, как помним, гуманитарные задачи были подменены политическими и военно-политическими, обнаружив наличие глобальной геостратегии, раскрытой Бжезинским и прикрытой демагогической ООН-овской формулой «Мы, народы...».

Успешное осуществление этой спецоперации к исходу 2004 г. открыло путь второму ходу. Гуманитарные «Цели», выдержанные в духе «борьбы с нищетой», – как первые семь, так и рассмотренная нами восьмая – «Всемирное партнерство в целях развития» («ВПЦР») – были скрытно подменены «Глобальным партнерством в целях развития» («ГПЦР»).

Из Итогового документа Всемирного саммита по «ЦРТ» 2010 г.:

«Мы подчеркиваем центральную роль глобального партнерства в целях развития и важность Цели 8-й в достижении целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия. Мы признаем, что без существенной международной поддержки несколько Целей, вероятно, не будут достигнуты во многих развивающихся странах к 2015 году»⁹.

На словах претендуя на аутентичность к «ВПЦР», на деле «Глобальное партнерство в целях развития» – и в этом состоит суть второй спецоперации – кардинально меняет повестку, выстраивая предлагаемые экологические, экономические и социальные меры таким образом, что они образу-

ют стройный политический план, отражающий глобально-управленческие устремления стоящих за ним «частных и независимых групп».

Убедиться в этом нетрудно, ознакомившись с выдержкой из посвященного этому вопросу раздела документа Всемирного саммита по «ЦРТ» (2005 г.). Заодно увидим, как именно новая мировая реальность, формируемая «Глобальным партнерством», разрушает российскую экономику, политическую сферу и, в целом, государственность, шаг за шагом подчиняя их деструктивному внешнему влиянию.

Авторские комментарии, каждого из пунктов выделены и помещены в скобки:

«...Мы преисполнены решимости:

а) принять к 2006 году и осуществить всеобъемлющие национальные стратегии развития, с тем чтобы **реализовать согласованные на международном уровне цели и задачи в области развития**, в том числе цели в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия. (Отметим констатацию зависимости национальных стратегий от согласованных на международном уровне целей и задач: не в этом ли заключена причина той настырности, с какой российская власть, игнорируя любую критику, добивается внедрения либеральных ценностей и реализации либеральных инноваций в абсолютно непригодную для них российскую действительность? — Авт.);

б) обеспечить эффективное управление государственными финансовыми ресурсами в целях **достижения и поддержания макроэкономической стабильности** и темпов роста в долгосрочной перспективе и добиваться эффективного и транспарентного использования государственных средств и обеспечить, чтобы помощь в целях развития использовалась для наращивания национального потенциала. (Подчеркнем: из этого следует, что курс на макроэкономическую стабилизацию, лишаящий отечественную экономику внутренних инвестиций, побуждающий предприятия кредитоваться за рубежом, явля-

ется политикой, навязанной России в соответствии с некими международными договорами, а российское руководство по каким-то причинам считает себя обязанным эти дискриминационные договоренности соблюдать — Авт.);

с) поддерживать усилия развивающихся стран, направленные на разработку и осуществление национальных программ и стратегий в области развития, за счет увеличения объемов помощи в целях развития, **расширения международной торговли как двигателя развития, передачи технологий на взаимосогласованных условиях**, увеличения объемов инвестиций и расширения и углубления мер по облегчению бремени задолженности и поддержки развивающихся стран..., с тем чтобы они могли достичь **согласованных на международном уровне целей в области развития**, включая цели в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия. (Торговля вместо производства и вступление в абсолютно не нужное России ВТО как одна из главных целей государственной политики; «сердюковская» реформа как «взаимосогласованное условие» получения с Запада технологий — взамен утилизируемых собственных; следование в фарватере все тех же «согласованных целей в области развития» и т.д. — Авт.);

д) что усиливающаяся взаимозависимость экономики различных стран в условиях глобализирующегося мира и формирование основанных на определенных правилах режимов международных экономических отношений означает, что сегодня пространство для национальной экономической политики, то есть **рамки внутригосударственной политики**, особенно в областях торговли, инвестиций и промышленного развития, часто определяется **рамками международных принципов, обязательств и соображений глобального рынка**. (Так вот почему хронически недофинансируется российская наука, простаивают отечественные конструкторские бюро и производственные мощности, а Россия тем временем закупает французские вертолетоносцы, итальянские боевые машины пехоты и

подержанные гражданские авиалайнеры фирм «Boeing» и «Airbus» — Авт.). Каждое правительство должно само сопоставить выгоды от принятия международных норм и обязательств с ограничениями, создаваемыми сужением стратегического пространства. Особенно важно, чтобы все развивающиеся страны, с учетом целей и задач в области развития, принимали во внимание необходимость установления надлежащего баланса между пространством для маневра в национальной политике и международными правилами и обязательствами. (Хотя мы об этом уже упоминали, ТАКОЕ грех не повторить — чтобы потом не упрекали, что не услышали — Авт.);

е) повысить вклад НПО, гражданского общества, частного сектора и других заинтересованных сторон в национальные усилия в области развития, а также в содействие налаживанию глобального партнерства в целях развития. (Здесь все разложено буквально «по полочкам»: формулой «глобального партнерства» является вывод на ведущие позиции в национальной экономике и внутренней политике «олигархов», находящихся под «внешним управлением» НПО и оппозиционных СМИ, а также «оранжевых», прозападных по своей сущности и интересам либералов во власти, которые коллективно представляют интересы «других заинтересованных сторон», то есть, надо полагать, «частных и независимых групп» — Авт.);

ф) добиться того, чтобы фонды и программы и специализированные учреждения ООН поддерживали усилия развивающихся стран с помощью общих страновых оценок и Рамочной программы ООН по оказанию помощи в целях развития, усиливающих их поддержку в деле создания потенциала. (Здесь, надо думать, конкретизируются механизмы обеспечения глобально-олигархического влияния на внутреннюю политику развивающихся стран, к которым причисляют Россию; главным из этих механизмов признается ООН с ее институтами и сотрудничающими с ней «фондами и мозговыми трестами» и т.д. — Авт.);

г) охранять свою базу природных ресурсов для обеспечения развития. (Как по-

мним из статьи Г.Х.Попова, для превращения их в «глобальное общее достояние» и последующей передачи в качестве «мировых ресурсов» в распоряжение так называемого «мирового сообщества» — Авт.)¹⁰ (курс. — Авт.)

Как видим, более развернутой и откровенной глобалистской программы, направленной на установление тотального контроля над внутренней и военной политикой и природными ресурсами незападных стран, в том числе России и других субъектов постсоветского пространства, мы еще не встречали. Что еще нужно, чтобы убедиться: «Всемирное партнерство в целях развития» (8-я ЦРТ) и «Глобальное партнерство в целях развития» — совершенно разные документы? И что выполняется лишь второй из этих документов, в то время, как первый нужен, пожалуй, лишь для «отвода глаз» мирового сообщества, которое, впрочем, под воздействием компрадорских национальных элит, включая российскую, само радо обманываться.

Третий и завершающий на сегодняшний день ход всей этой комплексной спецоперации — создание в 2007 г. по решению Генерального секретаря ООН так называемой «Целевой группы по оценке прогресса в достижении ЦРТ», задачей которой является подготовка ежегодных докладов о ситуации в сфере реализации «ЦРТ». Провозглашенная в третьем таком докладе (за 2010 г.) необходимость «...выполнения международных обязательств и целей, объединенных в рамках цели 8-й и определенных как ключевые в глобальной работе по достижению ЦРТ»¹¹ наглядно демонстрирует, что «Целевая группа» ООН призвана замаскировать подмену социально-экономической 8-й «Цели» сугубо политическим «Глобальным партнерством в целях развития».

В-третьих, особого внимания требует ненавязчиво продвигаемое Итоговым документом Всемирного саммита по «ЦРТ» 2005 г. «расширительное толкование» «Глобального партнерства в целях развития», в рамках которого указывается на преемственность не только к 8-й «Цели» и Декларации тысячелетия, но и к Монтеррейскому консенсусу и Йоханнесбургскому плану выполнения решений (2002 г.). То есть к документам, которые появились уже после Декларации тысячелетия. Здесь важно, что только что рассмотренные глобально-управленческие императивы, в том виде, в каком они включены в Декларацию тысячелетия и «Глобальное партнерство в целях развития», ни в одном из перечисленных документов в такой постановке вообще не звучат.

Вот, например, соответствующая выдержка из Монтеррейского консенсуса:

«...В рамках нынешнего диалога высокого уровня по вопросу об укреплении международного сотрудничества в целях развития на основе партнерства, проводимого каждые два года на Генеральной Ассамблее, следует рассмотреть доклад по вопросам финансирования развития, представляемые Экономическим и Социальным Советом (ЭКОСОС) и другими органами, а также другие вопросы, касающиеся финансирования развития. Процесс ведения диалога следует реорганизовать таким образом, чтобы он мог выполнять функцию межправительственной координации общей последующей деятельности по итогам Конференции и связанных с ней вопросов...»¹² (курс. — Авт.).

Здесь, как видим, речь идет только о межправительственной координации в целях развития и лишь в части, касающейся компетенции ООН-овского ЭКОСОС.

В плане Всемирного саммита по устойчивому развитию 2002 г. в Йохан-

несбурге вопрос был поставлен намного шире, чем в Монтеррее. В частности, затрагиваются «институциональные рамки устойчивого развития», что является синонимом глобального управления; говорится о координации деятельности включенных в эти рамки институтов внутри и вне системы ООН; ставится задача «интеграции целей развития», причем, именно как «устойчивого», в цельную стратегию, которой должны руководствоваться все ООН-овские и взаимодействующие с ними структуры.

Но все это ограничивается лишь «экономическими, социальными и экологическими аспектами устойчивого развития». Не упоминается при этом не только «Глобальное партнерство в целях развития», но и сами эти «Цели», а основой деятельности провозглашается весьма объемная (более 1 тыс. стр.), расплывчатая и неконкретная «Повестка дня на XXI век», ради конкретизации которой, собственно, появились и сами «ЦРТ», и рассматриваемое через их призму «Глобальное партнерство».

«...Меры по укреплению институциональных рамок устойчивого развития ...следует принимать в рамках Повестки дня на XXI век, с учетом событий, которые произошли после Конференции ООН по окружающей среде и развитию (в Рио-де-Жанейро — Авт.), и они должны быть направлены ...на достижение следующих целей:

a) укрепление приверженности задачам устойчивого развития;

b) сбалансированная интеграция экономических, социальных и экологических аспектов устойчивого развития;

c) укрепление осуществления Повестки дня на XXI век, в том числе за счет мобилизации финансовых и технологических ресурсов...;

d) укрепление согласованности, координации и контроля;

e) поощрение верховенства закона и укрепление государственных институтов;

f) **повышение эффективности и результативности путем уменьшения параллелизма и дублирования деятельности международных организаций как внутри системы, так и за пределами системы ООН...;**

g) расширение участия и реальной вовлеченности гражданского общества ...в осуществление Повестки дня на XXI век, а также поощрение транспарентного и широкого участия общественности;

h) укрепление потенциала в области устойчивого развития на всех уровнях...;

i) укрепление международного сотрудничества в целях активизации осуществления Повестки дня на XXI век и решений Встречи на высшем уровне.

...Международному сообществу следует:

a) **укреплять интеграцию целей устойчивого развития, закрепленных в Повестке дня на XXI век ...в стратегию, программы работы и оперативные руководящие принципы соответствующих учреждений, программ и фондов ООН, Глобального экологического фонда (ГЭФ) и международных финансовых и торговых учреждений ...при одновременном полном обеспечении учета в их деятельности национальных программ и приоритетов развивающихся стран, а также, в случае необходимости, стран с переходной экономикой, в целях достижения устойчивого развития;**

b) укреплять сотрудничество в рамках системы ООН и между системой ООН, международными финансовыми учреждениями, ГЭФ и ВТО...;

c) укрепить и повысить эффективность интеграции трех компонентов стратегий и программ в области устойчивого развития и поощрять **полный учет целей устойчивого развития в программах и стратегиях органов, занимающихся в первую очередь социальными вопросами...**¹³ (курс. – Авт.).

Тем не менее, в-четвертых, сама терминология «Глобального партнерства в целях развития» в редакции 2005 г., как и Декларация тысячелетия, апеллирует к проблематике «миростроительства», а отнюдь не к 8-й «Цели». Так, ст. 70 и 75 Итогового документа Все-

мирного саммита по «ЦРТ» (2005 г.) не только требуют «сотрудничества между всеми главными органами ООН» (Советом Безопасности, Генеральной Ассамблеей, ЭКОСОС, Генеральным секретарем) в деле коллективного отражения глобальных угроз, но и конкретизируют это требование, распространяя его на предотвращение вооруженных конфликтов¹².

Наконец, в-пятых, просто невозможно не обратить внимания на филигранность, с какой авторы Итогового документа Всемирного саммита (2005 г.) продвигая идеи «миростроительства», жонглируют взаимоисключающими друг друга принципами «территориальной целостности» и «самоопределения».

Прежде, правда, необходимо разобраться и разложить по полочкам сами соответствующие положения Устава ООН, к которым этот Итоговый документ апеллирует. Дело в том, что их уставная трактовка неоднозначна. «Равноправие и самоопределение» народов в этом базовом международном документе отнесены к «Целям ООН» и поставлены выше «Принципов ООН», в том числе «суверенного равенства», «территориальной целостности и политической независимости»; последние вообще в Уставе ООН упоминаются не самостоятельно, а в контексте обязанности членов Организации воздерживаться от их нарушения¹⁴.

Понятно, что различия в статусе «самоопределения», которому отдается приоритет, и упоминающейся в уставе ООН по остаточному принципу «территориальной целостности» обусловлены дальновидностью расчетов Запада и, прежде всего, американской стороны, которая вовремя подсуетилась и протащила при работе над Уставом именно эту формулировку. Следовательно, преслушав «глокализацию» уже тогда, в 1944–1945 гг., была вклю-

чена в стратегические планы США. Сегодня же, когда она превратилась из достаточно отдаленной перспективы в реальность, намерения англосаксонского Запада простираются еще дальше. Именно в этом заключена главная причина продолжающегося наступления на принцип «территориальной целостности» и «политической независимости».

Вот, например, как соотносятся категории «территориальная целостность» и «самоопределение» во включенной в гл. I («Ценности и принципы») 5-й ст. Итогового документа Всемирного саммита по «ЦРТ» 2005 г.:

«Мы преисполнены решимости установить справедливый и прочный мир во всем мире в соответствии с целями и принципами Устава ООН. Мы вновь подтверждаем свое обязательство поддерживать все усилия, направленные на обеспечение суверенного равенства всех государств и уважения их территориальной целостности и политической независимости, ...обеспечивать урегулирование споров ...в соответствии с принципами справедливости и международного права и (sic!) права на самоопределение народов, все еще находящихся под колониальным господством и иностранной оккупацией, невмешательства во внутренние дела государств, уважения прав человека и основных свобод... и добровольного выполнения обязательств, принятых на себя в соответствии с Уставом»¹⁰ (курс. — Авт.).

Итак, применение формулировки «в соответствии с целями и принципами Устава ООН» означает, что «самоопределение» ставится выше «территориальной целостности и политической независимости», тем более, что в Итоговом документе говорится не об их «соблюдении», а лишь об «уважении». Кроме того, «право на самоопределение народов» отождествляется с их борьбой против «колониального господства и иностранной оккупации»,

что при желании можно использовать в интересах подрыва внутренней стабильности любого многонационального государства, как это, к примеру, было проделано с Югославией.

Стоящий уже после этого положения тезис о «невмешательстве во внутренние дела государств», стало быть, предлагается применять лишь в том случае, если речь не идет ни о «колониальном господстве», ни об «иностранной оккупации», причем, критерии и того, и другого не прописаны и, следовательно, априори субъективны.

Конкретный пример: с точки зрения США, Европейского союза и ОБСЕ, Абхазия и Южная Осетия являются «оккупированными» территориями суверенной Грузии, и потому провозглашенная ими и признающаяся Российской Федерацией «независимость» отнюдь не гарантирует их от натовского вмешательства, в том числе в форме включения этих республик в «миростроительные» проекты «постконфликтного урегулирования».

Отсюда следует, что единственными реальными гарантиями территориальной целостности и политической независимости обеих постсоветских республик является не трактуемое с позиций «двойных стандартов» международное право, а политический авторитет и военная мощь России, прежде всего принадлежащее ей право «вето» в Совете Безопасности ООН и сохраняющийся ядерный потенциал.

Кроме этого, «невмешательство» в Итоговом документе ООН-овского Всемирного саммита по «ЦРТ» (2005 г.) дополнительно обуславливается «уважением прав человека и основных свобод», состояние которых, как водится, будет оцениваться не объективно, а с помощью ОБСЕ, а также заведомо ангажированных англосаксами НПО: «*Amnesty International*», «*Freedom House*», «*Human's rights Watch*» и т.п.

Но даже этого авторам данного документа оказывается мало. В ст. 77, включенной в посвященную «миростроительству» гл. III («Мир и коллективная безопасность»), «территориальная целостность» и «невмешательство во внутренние дела» не упоминаются вообще. Чтобы убедиться в этом приведем текст данной статьи полностью, без всяких изъятий – даже того, что непосредственно не относится к рассматриваемым целям и принципам» Устава ООН:

«Мы подтверждаем обязательство государств-членов воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения каким-либо образом, не совместимым с Уставом. Мы подтверждаем, что к числу целей и принципов, которыми руководствуется ООН, относятся поддержание международного мира и безопасности, развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов и принятие других соответствующих мер для укрепления всеобщего мира, и в этой связи заявляем о нашей решимости принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений

От теории к практике «миростроительства»

Необходимость разобраться в практических шагах по внедрению «миростроительства» в повседневную практику глобального управления побуждает нас еще раз конспективно пройти вдоль исторической ретроспективы последних десятилетий и лишь после этого перейти к рассмотрению и анализу деятельности занимающейся «миростроительством» Комиссии ООН. Особо выделим комплексы мер, создавшие фундамент глобальной трансформации, развертывание которой сегодня пытаются осуществить с помощью этого нового органа.

Итак, распад СССР и окончание холодной войны подготавливалось еже-

мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира»¹⁰ (курс. – Авт.).

Что это, как не доказанная уже нами в качестве «двойного стандарта», причем, и теоретически, и практически, «мозаичная» технология подмены понятий? Напомним, что ее формула еще в начале XX в. была выведена небезызвестным полковником Хаусом¹⁵. Практическую же сторону разработали авторы подробно и тщательно рассмотренного доклада «Наше глобальное соседство» («НГС»), обнародованного в 1995 г. совместным «детисцем» ООН и Социалистического интернационала (Социинтерна) – Комиссией по глобальному управлению и сотрудничеству. Набор одних и тех же положений в нем рассматривается в качестве и «ценностей добрососедства», и «принципов глобальной гражданской этики», и «прав и обязанностей» членов «глобальной общины», и даже «моральной основы» и инструмента «обеспечения качества» глобального управления¹⁶.

годными докладами Римскому клубу и сопровождалось целым рядом событий (и мероприятий), которые произошли в конце 80-х – начале 90-х годов в самых различных сферах международной политики. В политической сфере среди них необходимо особо выделить Отчет Римского клуба «Первая глобальная революция», официальное выдвижение концепции «Нового мирового порядка», принятие Парижской хартии для новой Европы и трансформацию Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в ОБСЕ, а также подписание Маастрихтского договора о создании Европейского союза. В военно-политической сфере наиболее важными

событиями представляются упразднение Организации Варшавского договора (ОВД), появление первой Стратегической концепции НАТО, сформировавшей альтернативную завершившейся холодной войне сферу применения военного потенциала этого блока в виде миротворчества и т.д.

Начиная с 1992 г., с Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро, начинается новый этап глобальной трансформации, который входит в активную фазу во второй половине 90-х годов, завершаясь агрессией США и НАТО против Югославии. К 1995 г. заканчивает работу Римский клуб, функции которого перехватываются Комиссией по глобальному управлению и сотрудничеству, созданной на базе ООН и Социнтерна; наследницей ее в 2001 г. становится Комиссия по глобализации, сформированная на базе ряда структур, тесно связанных с Международным «Горбачев-фондом». Тогда же появляется доклад «НГС».

С 1994 г. действует расширяющая зону действия НАТО программа «Партнерство ради мира». В 1999 г. принимается вторая Стратегическая концепция Североатлантического альянса, направленная на расширение масштабов миротворчества, а также провозглашающая перспективу расширения блока за счет принятия в него новых членов из числа бывших союзников СССР по ОВД, а также бывших советских республик.

Именно в этот период, ориентировочно в 1997–1998 гг., происходит переход от первого варианта реализации «глобального плана» – с созданием глобального субъекта в системе ООН (проект СЭБ) ко второму, связанному с выводом части институтов за пределы ООН и формированием на этой основе некоей глобальной сетевой структуры.

В 2000 г., одновременно с Саммитом тысячелетия и сопутствующим ему комплексом мероприятий организационного, политического и идеологического характера, появляется Хартия об основных правах ЕС, в которой выдвигаются и ставятся в глобальную повестку дня такие вопросы, как распространение «мирового гуманитарного стандарта» и формирование «демократического глобализма будущего». В 2002 г. проводится Всемирный саммит по устойчивому развитию в Йоханнесбурге, укрепляющий одноименную концепцию в претензиях на формирование стратегической перспективы человечества.

Выдвигаются различные инициативы по линии так называемого «глобального гражданского общества», наиболее заметной среди которых становится Инициатива «Хартии Земли», появление которой опять-таки тесно связано с деятельностью Международного «Горбачев-фонда».

С 2005 г. в системе ООН действует Комиссия по миростроительству, уставные документы которой, как убедимся, начинают стирать и без того малозаметную грань между миротворчеством и «гуманитарным интервенционизмом». С другой стороны, на этот же период приходится окончательное раскрытие геостратегии США в регионе Ближнего и Среднего Востока, оформленной планом «Большого Ближнего Востока». В дальнейшем оба этих фактора соединяются в новой, третьей по счету Стратегической концепции НАТО (2010 г., Лиссабон).

Как убедительно доказывается рядом современных российских ученых, ее целью ставится не только включение миротворчества в общую экспансионистскую стратегию НАТО, но и распространение этого процесса за пределы традиционной зоны геополитической ответственности блока, а также

его международно-правовая легитимация через введение под эгиду ООН¹⁷. Именно с этого момента миротворчество начинает трансформироваться в «миростроительство».

На постсоветском пространстве в это время происходит серия «оранжевых» революций. Создается впечатление, что республики, в которых они происходят, как бы вовлекаются в «миростроительные» программы постконфликтного урегулирования.

Острота вспыхнувшего в августе 2008 г. грузино-югоосетинского конфликта, который привел к резкому ухудшению отношений России с США, НАТО и Европейским союзом, показывает, что определенными силами скорее всего была предпринята попытка внедрить и приживить таким образом практику «миростроительства» на постсоветском пространстве. Подобные подозрения значительно усиливаются при упоминании о той настырности, с какой сновавшие между Москвой и Тбилиси западные посредники – высокопоставленные и не очень – пропихивали идею замены российской миротворческой миссии, находящейся в зоне конфликта по мандату СНГ, миссией ЕС, то есть, по сути, натовской.

В современных условиях в пользу этих подозрений свидетельствует геополитическая возня, затеянная западными сопредседателями Минской группы ОБСЕ, прежде всего США, вокруг «замороженного» конфликта в Нагорном Карабахе, где напряженность су-

щественно возрастает на протяжении последних нескольких месяцев*.

Одновременно, начиная с 2005 г., в активную фазу входит процесс подготовки к переводу в сферу публичной политики «Группы двадцати», осуществляемый с началом финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Особо отметим, что в управляемом, рукотворном характере этого кризиса сегодня не сомневается практически никто из российских и зарубежных аналитиков, критически настроенных по отношению к официальной трактовке современного этапа глобальной истории.

Теперь о самой Комиссии ООН по миростроительству (КМС), ее создании, задачах, а также наработанном более чем за пятилетку опыте деятельности. Поскольку предпочтение нами на всем протяжении статьи всегда отдавалось не «вольному» комментарию, а детальному анализу соответствующих первоисточников, не будем отклоняться от сложившейся традиции и сейчас.

Итак:

«Комиссия по миростроительству (КМС) была учреждена одновременно Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей ООН в их соответствующих резолюциях (документы ООН S/RES/1645 и A/RES/60/180 соответственно – Авт.).

КМС – это новый межправительственный консультативный орган ООН, который поддерживает усилия в пользу мира в странах, переживших конфликты, и представляет собой важное дополнение того механизма, который используется международным сообществом для решения более широких задач по обеспечению мира.

* Понятно, что в этой части геополитической «дуги нестабильности», окаймляющей с юга постсоветское пространство, о которой в «Великой шахматной доске» писал Бжезинский, центром западного внимания является Иран – единственное государство, способное и действительно противостоящее практической реализации американского плана «Большого Ближнего Востока». Но Нагорный Карабах, как известно, – это ближние подступы к Ирану, и контроль над ним дает неоспоримые преимущества любой из сторон потенциального конфликта, а также их покровителям и союзникам из числа великих держав (или, по Бжезинскому, геостратегических действующих лиц).

КМС играет уникальную роль, выполняющая следующие функции:

- сводя вместе все соответствующие стороны, включая **международных доноров, международные финансовые учреждения, национальные правительства, страны, предоставляющие войска;**
- мобилизуя ресурсы;
- **...привлекая внимание к любым проблемным областям, способным подорвать мир**¹⁸.

«КМС уполномочена: мобилизовывать ресурсы и давать рекомендации и предложения относительно комплексных стратегий постконфликтного миростроительства и восстановления. ...КМС фокусирует внимание на усилиях по восстановлению, организационному строительству и устойчивому развитию в странах, выходящих из конфликта. В частности, она уполномочена:

- предлагать комплексные стратегии постконфликтного миростроительства и восстановления;
- помогать в обеспечении предсказуемого финансирования начальной деятельности по восстановлению и устойчивых финансовых инвестиций в среднесрочной и долгосрочной перспективе;
- добиваться того, чтобы международное сообщество продолжило уделять свое внимание и в течение периода постконфликтного восстановления;
- разрабатывать передовые методы в отношении вопросов, которые требуют широкого взаимодействия между субъектами деятельности в политической сфере, области безопасности, гуманитарной сфере и области развития.

Комиссия заполняет собой **значительный пробел в системе ООН, существующий в контексте перехода от оказания чрезвычайной помощи к развитию.** Она сводит вместе правительства конкретных стран и всех соответствующих международных и национальных субъектов деятельности для обсуждения и определения долгосрочных стратегий миростроительства с целью предотвратить возобновление конфликтов.

После разработки такой стратегии, ...КМС будет продолжать взаимодейство-

вать с подобными странами до тех пор, пока риск возобновления конфликта **не будет признан минимальным.**

...Рекомендации КМС имеют вес благодаря широкому разнообразию ее членского состава. **Система ООН в целом, равно как и другие органы и субъекты деятельности, поощряются к принятию мер по рекомендациям и советам Комиссии.**

Комиссия стремится действовать в тесном взаимодействии с **вовлеченными национальными и транснациональными властными структурами** и в полной мере признает важность национальной ответственности за процесс миростроительства.

...Предположительно Комиссия будет заниматься только странами, выходящими из конфликта, после заключения мирного соглашения и при наличии минимального уровня безопасности. Такие страны должны проявить заинтересованность в их рассмотрении в Комиссии. Вынесение на рассмотрение какой-либо страны без ее согласия представляется **маловероятным.**

В настоящее время в повестку дня Комиссии включены Бурунди, Гвинея-Бисау, Сьерра-Леоне и Центральноафриканская республика.

...Генеральный секретарь учредил **Фонд миростроительства** для удовлетворения насущных потребностей, связанных с миростроительством, в выходящих из конфликта странах в то время, когда другие механизмы финансирования недоступны. Исходя из **согласованных приоритетов**, Фонд может поддерживать разнообразные меры по укреплению национального потенциала, необходимого для сохранения мира, и тем самым поможет снизить риск возобновления конфликта. Фонд может оказывать поддержку странам, рассмотрение которых проводит Комиссия, а также **помогать другим странам, оказавшимся в аналогичных обстоятельствах, в соответствии с указаниями Генерального секретаря**¹⁹ (курс. – Авт.).

В этих разъяснениях, размещенных на официальном ООН-овском сайте КМС, что ни абзац, то «букет» настоя-

ших перлов, достойных места в анналах истории глобальных политических афер.

Итак, во-первых. Зафиксируем межправительственный формат КМС, отметив, что за рамками Устава ООН он получил распространение после 1992 г., то есть после разрушения СССР, проведения Конференции ООН по окружающей среде и развитию и создания Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. И с тех пор последовательно укреплялся с помощью отделения глобального политического управления от глобального экономического, вывода части соответствующих институтов вне ООН и преобразования расплывчатой «Повестки дня на XXI век» в четкие и конкретные «Цели развития тысячелетия». Не забудем, что именно с их помощью экологическая, экономическая и социальная проблематика глобального управления была дополнена политикой и геополитикой, а также геостратегическими вопросами.

Межправительственный формат, позволяющий «частным и независимым группам» глобальных олигархов, скрывающимся за целым рядом специализированных учреждений ООН, прикрываясь формулой «Мы, народы...», апеллировать совсем не к народам, а к компрадорской, продажной и наиболее коррумпированной части национальных элит, и есть тот самый «механизм, который используется международным сообществом для решения ...задач по обеспечению мира».

А КМС – это не что иное, как инструмент, расширяющий возможности этого механизма. Провозглашенная «уникальность» Комиссии заключена в наделинии ее функцией коммуникации между «международными донорами, международными финансовыми институтами» (которые контролируются все теми же «частными и независимыми группами») и «правительствами стран,

предоставляющими войска». Как установлено выше, это делается для «развертывания различных миротворческих миссий на региональной и субрегиональной основе», ибо «маловероятно, что потребность в быстром реагировании удастся удовлетворить только за счет использования механизмов ООН». Еще мы установили, что единственными региональными организациями, интенсивно взаимодействующими с ООН по миротворческим вопросам, являются Европейский союз, ОБСЕ и НАТО. При этом официальными документами ООН заведомо признается не только правомерность наличия побочных, официально не раскрываемых целей и мотивов «миротворческого» вмешательства, но и его несанкционированный характер в «безотлагательных ситуациях», когда санкция получается задним числом – «после начала подобных операций»².

Грех не упомянуть, что «уникальность» КМС также обусловлена способностью «привлекать внимание к любым проблемным областям, способным подорвать мир». Поскольку «подрыв мира» – это насквозь конъюнктурная трактовка, суть которой отражается известным афоризмом «у нас разведчики, а у них – шпионы», постольку эта «уникальность» объясняется вниманием к тем или иным событиям со стороны «людей и организаций», представляющих интересы тех же самых «частных и независимых групп». Иначе говоря, глобальной олигархии вперемишку с ООН-овской бюрократией – тоже глобальной, космополитической, члены которой уже давно оторвались от собственных народов, национальных корней, почвы и истории.

Таким образом, Комиссию можно считать некой «верхушкой» эволюции межправительственных структур – органом, который владеет определенным инструментарием, с помощью которо-

го глобальные институты внутри и вне системы ООН «поощряются» к выполнению ее «рекомендаций и советов». С этой точки зрения обращает внимание использование в цитируемом материале таких терминов как «вовлечение», употребляемых по отношению к «национальным и транснациональным властным структурам». Это оговорка в точности «по Фрейду», ибо признается как наличие именно властных транснациональных структур, так и «вовлечение» в них национальных властей. Кроме того, хорошо известно, что сам термин «вовлечение» («*engagement*») авторами заимствован в лексиконе Трехсторонней комиссии, которая обозначает им втягивание в сферу влияния глобально-управленческих структур отдельных стран, например России²⁰.

Таким образом, становится понятным, что принципиальное решение о создании Комиссии ООН по миростроительству, скорее всего, было принято еще в 1997–1998 гг., когда осуществлялась трансформация всего «глобального плана», связанная с переходом от первого, централизованного варианта глобального управления во главе с СЭБ, ко второму – децентрализованному, сетевому. Поскольку именно КМС, которой, в отличие от предполагавшихся функций СЭБ, предопределено заниматься глобальным геостратегическим планированием, по-видимому, будет находиться в центре этой сети, закономерно возникают два вопроса.

Первый: чем же все-таки обусловлен переход от первого варианта «глобального плана» ко второму? Какие конкретные события послужили его детонатором, и является ли он вынужденной реакцией, следствием какой-то крупной неудачи или, наоборот, приобретением его автором, подтверждающим успешный ход реализации их намерений?

В высказанной ранее версии мы упоминали о том, что данный перелом в «генеральной линии» глобально-управленческих структур произошел сразу же вслед за двумя событиями. Одно из них – вхождение России в Базельский клуб, означавшее фактическое лишение нашей страны финансовой независимости (1996 г.). Другое событие – замена российского главы Департамента ООН по политическим вопросам (в ранге заместителя Генерального секретаря ООН по политическим вопросам) В.Ф.Петровского представителем Великобритании К.Прендергастом (1997 г.). Тем самым было оформлено разрушение ряда послевоенных договоренностей, по которым замещение данного поста, начиная с 1945 г., относилось к прерогативам СССР, а после его распада – Российской Федерации.

Итак, повлияли ли на смену стратегии глобального управления именно эти события или совпавшее с ними резкое ускорение роста и усиление Китайской Народной Республики, а также кто в России персонально ответственен за эту широкомасштабную сдачу важнейших позиций, имевшую для страны катастрофические последствия, широкой общественности не известно и по сей день.

Второй вопрос связан с тем, что сегодня, на шестом году своего существования, КМС, несмотря на активный рост, все еще находится в зачаточном состоянии и на «проектную мощность» не вышла. Заявленные три формата работы – Организационный комитет, заседания по странам и Рабочая группа по обобщению извлеченных уроков – не устоялись и в рамках поставленных перед Комиссией задач (речь о которых пойдет ниже) лишь нащупывают основные пути и методы работы. В пользу этого вывода, в частности, свидетельствует ограничение дея-

тельности КМС африканским континентом, который в сложившихся условиях, видимо, выполняет «подопытную» роль некоего «учебного полигона». Тогда каковы масштабы амбиций авторов этого проекта, и насколько они соответствуют имеющемуся в их распоряжении потенциалу, а также специфике глобальной ситуации, особенно с учетом развития глобального кризиса, спровоцированного «частными и независимыми группами»?

Иначе говоря, насколько велика и, главное, неотвратима угроза, нависшая над человечеством и, прежде всего, над нашей страной как главной мишенью всех прошлых глобальных авантур?

Во-вторых, все перечисленные положения доклада «Более безопасный мир...», подготовленного в 2004 г. Группой высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам, полностью подтверждены и в рассматриваемом материале.

Как вам, уважаемый читатель, например, видится перспектива выноса на рассмотрение КМС ситуации в «какой-либо стране без ее согласия», означающая возможность самочинного интервенционистского вмешательства в ее внутренние дела, которая отнюдь не отрицается, а лишь признается «маловероятной» (то есть, вроде бы и «мало...»), но, в то же время, «...вероятной»? Или оговорка «предположительно», из которой следует, что проведение «миротворческой» операции «после заключения мирного соглашения» – лишь один из возможных вариантов развития событий? Следовательно, проведения такой операции, разумеется, с формулировкой «в исключительных обстоятельствах», с которой мы столкнемся ниже, вполне можно ожидать:

– и непосредственно в ходе внутреннего конфликта, что означает прямое внешнее вмешательство в него в

духе «доктрины Брежнева», многократно раскритикованной самим же Западом (как теперь выясняется, с позиций «двойных стандартов» – куда ж без них);

– и даже до его начала – в качестве провокации, развязывающей или направляющей конфликт в нужное, управляемое русло с заведомо известными результатами и последствиями.

Тогда где гарантии, что в один, отнюдь не прекрасный день подобная провокация не будет осуществлена в глобальном масштабе? Учитывая опыт событий 11 сентября 2001 г. и упоминавшуюся нами их подоплеку, данный вопрос уместно было бы сформулировать иначе, несколько менее политкорректно: «Где, когда и в каких масштабах такая провокация будет осуществлена?».

Преувеличение? Отнюдь, и в этом легко убедиться:

«Генеральная Ассамблея (Совет Безопасности),...

...4. постановляет, что КМС будет иметь постоянный **Организационный комитет** (далее Оргкомитет – Авт.), отвечающий за разработку своих процедур (правил процедуры) и организационных вопросов и методов работы.

...23. **вновь подтверждает** свою просьбу к Генеральному секретарю создать в Секретариате **...небольшое управление по поддержке миростроительства**, укомплектованное квалифицированными специалистами, ...и в этой связи признает, что **такая поддержка может включать в себя сбор и анализ информации, касающейся наличия финансовых ресурсов, соответствующей деятельности ООН по планированию в различных странах прогресса в достижении краткосрочных и среднесрочных целей восстановления и передового опыта решения междисциплинарных вопросов миростроительства**²¹ (курс. – Авт.).

Комментарии здесь излишни. Умри, но ясней и откровенней, чем «планиро-

вание в различных странах прогресса» под эгидой ООН, не выразишься. К тому же и решение о создании в структуре Секретариата ООН Управления по поддержке миростроительства ждать себя долго не заставило. А если добавить к этому уже приводившийся перечень «партнеров» КМС – Программу ООН по развитию (ПРООН), Департаменты ООН по политическим (ДПВ), экономическим и социальным (ДЭСВ) вопросам, по операциям в поддержку мира (ДОПМ), а также ГООНВР – Группу ООН по вопросам развития (в посткризисный переходный период)²² – становится очевидно, что мы имеем дело с хорошо продуманной, разветвленной и наращивающей эффективность глобальной структурой, целью которой, видимо, является максимальное ускорение упоминавшейся нами «глокализации».

Надо полагать, что в «частных и независимых группах» обеспокоены слишком ширящейся осведомленностью международной общественности об их планах, растущим пониманием их идеологической, политической и институциональной преемственности фашизму и нацизму. И потому просто-таки одержимы скорейшим завершением первого этапа «глокализации», связанного с разрушением и десуверенизацией нынешних государств (особенно, многонациональных) и переходом ко второму – «новой сборке» их обломков в глобальную империю, собственно, и являющую собой «Новый мировой порядок» в его завершенном виде. Отсюда и с трудом сдерживаемый оптимизм авторов рассматриваемого ООН-овского материала, считающих, что создание КМС заполнило в глобально-управленческих планах «значительный пробел».

В-третьих, рассмотренные нами положения ООН-овского документа по

КМС еще и предельно конкретизированы. Здесь самое время обратиться к некоторым организационным и процедурным аспектам деятельности Комиссии, содержащимся в установочных резолюциях Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН (соответственно от 20 и 30 декабря 2005 г.), а также во «Временных правилах процедуры КМС...» от 23 июня 2006 г.

Из резолюций Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН:

«Генеральная Ассамблея (Совет Безопасности)...»

...признавая важную роль региональных и субрегиональных организаций ...в постконфликтном миростроительстве в своих регионах и подчеркивая необходимость последовательной международной поддержки их усилий...;

...признавая важный вклад гражданского общества и НПО, включая женские организации, в усилия по миростроительству...;

...11. подчеркивает также, что Комиссия ...будет работать в тесной консультации с региональными и субрегиональными организациями в целях обеспечения их участия в процессе миростроительства...;

12. постановляет, что Оргкомитет, должным образом учитывая необходимость поддержания баланса в рассмотрении ситуации в странах, расположенных в различных регионах мира, ...будет определять повестку дня Комиссии, ссылаясь на:

а) поступающие от Совета Безопасности просьбы дать рекомендации;

б) поступающие от ЭКОСОС и Генеральной Ассамблеи просьбы дать рекомендации с согласия заинтересованного государства-члена в исключительных обстоятельствах на грани возникновения или возобновления конфликта, которыми Совет Безопасности не занимается...;

с) просьбы дать рекомендации, поступающие от государств-членов в исключительных обстоятельствах на грани возникновения или возобновления конфликта, которые не включены в повестку дня Совета Безопасности;

d) поступающие от Генерального секретаря просьбы дать рекомендации;

...15. *постановляет, что Комиссия будет представлять годовой доклад Генеральной Ассамблее, и что Ассамблея будет проводить ежегодные прения для рассмотрения этого доклада;*

16. *подчеркивает, что в постконфликтных ситуациях, включенных в повестку дня Совета Безопасности, ...когда в данном районе существует или осуществляется миссия по поддержанию мира, имеющая мандат ООН, и учитывая, что в соответствии с Уставом Совет несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, главная цель Комиссии будет заключаться в предоставлении Совету рекомендаций по его просьбе...»;*

...18. *постановляет, что Комиссия будет действовать во всех вопросах на основе консенсуса ее членов»²² (курс. — Авт.).*

Здесь в избытке всего.

И реверансов в сторону НАТО, ЕС и ОБСЕ («региональных и субрегиональных организаций»), участие которых «в процессе миростроительства», оказывается, должна «обеспечивать» ООН. И гарантий безнаказанности их вмешательства в обход Совета Безопасности под предлогом «исключительных обстоятельств», что на деле означает не что иное, как заведомую ООН-овскую индальгенцию на такое вмешательство. И явного стремления обойти и подчинить себе российские миротворческие миссии в СНГ, практически обязав их принимать рекомендации, предоставленные Комиссией Совбезу. И нескрываемого желания регулярно уязвлять Россию и другие субъекты постсоветского пространства критикой по итогам обсуждения годовых докладов КМС Генеральной Ассамблеи.

И, наконец, традиционной апелляции к «гражданскому обществу» и «НПО», включая «женские» организации (поощрение которых, как мы уже

установили, ставит целью отнюдь не достижение гендерного равенства, а разрушение традиционного семейного уклада и семьи как базового института общественной самоорганизации).

«Гражданское общество» и НПО, наряду с частными бизнес-интересами – традиционная стержневая опора «трансформаторов» мирового порядка, направляемая ими, как помним по докладу «НГС», против правительств. Вот как смотрятся задачи, ставящиеся перед частным сектором, «гражданским обществом» и соответствующими НПО в рамках КМС:

«...Гражданское общество может взаимодействовать с КМС и подключаться к ее работе различными путями. В Центральных учреждениях ООН организациям гражданского общества предлагается посещать заседания Комиссии, и они могут (sic!) неофициально вносить вклад в работу Комиссии, представляя письменные материалы членам КМС и Управлению по поддержке миростроительства (то есть, попросту, анонимно «стучать» на свои правительства в конфиденциальном порядке — Авт.). Кроме того, организации гражданского общества могут участвовать в некоторых заседаниях Комиссии в формате рассмотрения конкретных стран, часто именуемых неофициальными брифингами для НПО («каждому сверчку — свой шесток»: на заседания Оргкомитета, а также на большинство заседаний самой КМС, особенно проходящие, согласно «Временных правил процедуры...» при «закрытых дверях», представителей «гражданских» НПО никто не допустит; и то верно: вручил кому следует анонимку — и свободен! — Авт.)»²³ (курс. — Авт.).

Обратим внимание: сколько в документах ссылок не «неофициальность», «неформальность», «конфиденциальность» и т.д. Как тут не возвратиться к уже «пройденному»:

«Управление и сотрудничество есть совокупность многих способов, с помощью кото-

рых отдельные лица и организации, как государственные, так и частные, ведут свои общие дела. Это (sic!) непрерывный процесс сглаживания противоречий интересов, их различий в целях осуществления совместных действий. Такой процесс (sic!) включает всю систему правления и официальные институты, призванные обеспечивать уступчивость, согласие и существующие неофициальные договоренности между отдельными лицами и организациями, которые отвечают их интересам»¹⁶ (курс. — Авт.).

В сводках правоохранительных органов всех стран мира упоминание «неофициальных договоренностей», «отвечающих интересам» «отдельных лиц и организаций», как правило, происходит в увязке со словами «коррупция» и «мафия». Здесь же речь идет о «большой политике» – процессе, «охватывающем всю систему правления и официальные институты» (!). Тогда есть ли на Западе разница между мафией и властью и где грань, отделяющая хваленную западную правовую культуру от «криминально-политического беспредела», беззастенчиво внедряемого на уровне «официальных политических институтов»?

Но вернемся к «гражданскому обществу», НПО, а также «частному сектору» и их роли – так, как она видится создателям КМС:

«Председатель Комиссии по миростроительству в консультации с ее членами обеспечивает на регулярной основе проведение консультаций с представителями гражданского общества, НПО, включая женские организации, и частного сектора, участвующих в деятельности по миростроительству, в зависимости от обстоятельств. С этой целью КМС разрабатывает дальнейшие детали и условия»²⁴ (курс. — Авт.).

Кроме этих факторов, в упомянутом фрагменте резолюции Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН по созданию КМС, внимания требуют и другие, более важные и су-

щественные вещи. Например, предложение соблюдать в процессах миростроительства межрегиональный баланс. Вслед за идеей ООН-овского «планирования прогресса в различных странах» его выдвигание в учредительных документах КМС прямо указывает на приверженность их авторов искусственному разжиганию конфликтов. Ибо при спонтанном, неуправляемом их возникновении о «балансе» говорить, скорее всего, не приходится.

Кроме того, с учетом упоминавшегося нами предложения доклада «Более безопасный мир...» о том, чтобы НАТО «содействовало в подготовке и снаряжении не столь хорошо оснащенных региональных организаций и государств»², предлагаемый «баланс» выглядит фактическим приглашением советников и сил Североатлантического альянса в другие регионы планеты. Причем, несмотря на становящуюся формальной оговорку, что «региональные и субрегиональные организации» могут вмешиваться лишь «в своих регионах».

Наконец, впечатляет интенсивность попыток не мытьем, так катаньем обойти «ненавистный» Совет Безопасности с его российским и китайским «вето», расширив тем самым представительство проамериканского «агрессивно-послушного большинства» в центрах принятия (точнее, легитимации уже принятых) решений или хотя бы вблизи таких центров. Например, для этого рекомендуется привлекать как «заинтересованные», так и незаинтересованные, но «сознательные» государства-члены, которые всегда готовы присоединиться к «агрессивно-послушному большинству». И многое другое.

Отрадно, однако, что обойти пресловутое «вето» в итоге так и не удается, и оно сохраняется в виде принципа «консенсуса», распространяемого и на «структуры КМС» – Оргкомитет и заседания по конкретным странам²⁴.

В-четвертых, не вызывает особого удивления, что под геостратегические императивы «миростроительства» подводится соответствующая организационная структура, как будто специально предназначенная для создания в эпицентре ООН института (органа), альтернативного Совету Безопасности практически в той же мере, в какой являлся бы таковым не реализованный проект СЭБ.

«Генеральная Ассамблея (Совет Безопасности),...

...4. постановляет, что Оргкомитет КМС будет включать:

а) **семь членов Совета Безопасности, включая постоянных членов...**;

б) **семь членов ЭКОСОС**, которые выбраны от региональных групп, ...с уделением должного внимания тем странам, которые пережили период постконфликтного восстановления;

с) **пять членов, которые делают самые большие взносы ...взносы в бюджет ООН**, включая ...Фонд миростроительства, не входящих в число членов, выбранных в соответствии с положениями подпунктов (а) и (б), которые выбраны десятью членами, делающими самые большие взносы ...за предыдущие три календарных года..., из их числа, ...по списку, представленному Генеральным секретарем...;

д) **пять членов, которые представляют самые большие контингенты военнослужащих и гражданских полицейских для миссий ООН**, не входящих в число членов, выбранных в соответствии с положениями подпунктов (а) и (б), которые выбраны десятью членами, представляющими самые большие контингенты ...за предыдущие три календарных года..., из их числа, ...по списку, представленному Генеральным секретарем...;

е) **семь дополнительных членов**, выбранных в соответствии с правилами и процедурами, определенными Генеральной Ассамблеей, с уделением должного внимания представленности всех региональных групп... и представленности

стран, которые пережили период постконфликтного восстановления.

...6. постановляет, что члены Оргкомитета будут входить ...в его состав в течение двухгодичного срока, который может быть возобновлен;

7. постановляет также, что в заседаниях Комиссии, посвященных конкретным странам, по приглашению Оргкомитета..., будут участвовать также в качестве членов – в дополнение к членам Оргкомитета – представители:

а) **страны**, которая является предметом рассмотрения;

б) **стран данного региона**, которые участвуют в усилиях по оказанию чрезвычайной помощи и/или в политическом диалоге, а также соответствующих региональных и субрегиональных организаций;

с) **участников усилий по восстановлению**, которые делают крупные взносы в виде финансовых средств или контингентов войск или гражданских полицейских;

д) **старшего представителя ООН** в данном районе и других соответствующих представителей ООН;

е) **таких региональных и международных финансовых учреждений**, которые могут иметь отношение к этому вопросу;

...8. постановляет далее, что представитель Генерального секретаря будет приглашаться для того, чтобы участвовать во всех заседаниях Комиссии;

9. постановляет, что представители **Всемирного банка, МВФ и других учреждений-доноров** будут приглашаться для того, чтобы участвовать во всех заседаниях Комиссии таким образом, чтобы это соответствовало их уставным документам;

10. подчеркивает, что Комиссия будет работать в сотрудничестве с национальными или переходными властями, где это возможно, в рассматриваемой стране в целях обеспечения национальной ответственности за процесс миростроительства»²⁵ (курс. — Авт.).

Итак, главное, что прямо-таки бросается в глаза. С одной стороны, по своему составу и провозглашенным задачам КМС предстает неким паллиати-

вом «реформированной» ООН в случае, если бы реформа Совета Безопасности, предложенная докладами «НГС» и «Более безопасный мир...» была проведена. С другой стороны, Комиссия, по признанию ее создателей, действует не в качестве самостоятельного центра, а «во взаимодействии с вовлеченными транснациональными властными структурами».

Таким образом, поскольку противоречивость этих тезисов очевидна, то, по-видимому, можно говорить о том, что идет некий отбор различных вариантов дальнейшего развития всей системы глобального управления, элементом которой является КМС. Скорее всего, именно это и будет наиболее близким к истине ответом на поставленные выше риторические вопросы о конечных целях, которые преследуются авторами этого проекта.

В любом случае, из всего рассмотренного видно, чего следует нам ожидать, если сопротивление «глобальному плану», не дай Бог, будет сломлено, и реформа ООН все-таки состоится. Деньги, войска и полицейские, а отнюдь не уровень развития никому, как выясняется, не нужны «демократии» – вот главные критерии допуска к участию в «миростроительстве»*.

Кстати, весьма примечательно, что слово «демократия» ни в одной из установочных резолюций ни Совета Безопасности, ни Генеральной Ассамблеи вообще не упоминается.

Не менее показательно, что в «миростроительстве» вовлекаются страны, которые к тому времени уже будут через него пропущены. Это и понятно: в

результате этого в них сформируются и придут к власти компрадорские элиты, отражающие интересы и вовлеченные в планы «своих мерзавцев» – «структуры», которые якобы «имеют тенденцией укрепление мира и вселение в людей чувства уверенности и благополучия»⁶ (например, присно памятная Армия освобождения Косова).

Видимо, считается, что такой ресурс расширения проамериканского «агрессивно-послушного большинства» упускать нельзя.

Той же самой цели служит включение в Оргкомитет КМС и соседней «рассматриваемой» страны. Их озабоченность складывающейся вблизи их границ ситуацией не только беззащитно эксплуатируется, но и служит инструментом экспорта нестабильности уже к ним самим (о чем они, возможно, до определенного момента и не задумываются). А это, в свою очередь, является прологом к дальнейшему расширению масштабов «миростроительства».

Представительство в Оргкомитете КМС территориальных структур ООН уходит корнями в уже упоминавшиеся нами предложения по осуществлению «превентивной дипломатии и посредничества», сформулированные в 2004 г. Группой высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам⁶.

А вот включение в состав Оргкомитета представителей международных финансовых структур, представляющих интересы глобальной олигархии, интересно с двух точек зрения.

Прежде всего, обращает внимание беспрецедентное угодничество авторов ООН-овских резолюций, демонстриру-

* Причем, поскольку мы говорим об осуществляемой в РФ «военной реформе» как способе адаптации российских Вооруженных Сил к участию в миротворческих («миростроительных») операциях США и НАТО, постольку и преобразование милиции в полицию, видимо, преследует точно такую же цель. Особенно с учетом выявленных потребностей Комиссии ООН по миростроительству в «гражданских полицейских» на территориях стран, подвергающихся «урегулированию».

ющих готовность приспособить и адаптировать под интересы «мировых банкиров» даже собственные учредительные документы. Хотя ничего нового здесь, собственно, нет: ведь еще в 1995 г. всю систему межправительственных институтов предлагалось подогнать под сотрудничество с «частными и независимыми группами»¹⁶.

Показателен и резкий контраст между этим заискиванием перед глобальной олигархией и демонстративно уничижительным отношением к «абorigенам», которое выражается пренебрежительной формулировкой «сотрудничества с национальными или (sic!) переходными (то есть марионеточными – Авт.) властями, где это возможно».

В-пятых, многое в структуре, задачах и методах работы КМС проясняется в установочных документах Фонда миростроительства – докладе Генерального секретаря ООН «Меры по созданию фонда...» и «Круге ведения Фонда...», который является приложением к этому докладу.

Прежде всего, отметим, что «Круг ведения...» проливает свет на инструменты воздействия КМС на внутривнутриполитическую ситуацию в странах, официально не вовлеченных в процесс «миростроительства». Это делается с помощью «Координатора-резидента/Координатора по гуманитарным вопросам», действующего в ранге «Специального представителя Генерального секретаря ООН», который рассматривает вопрос о выделении той или иной стране средств на основании «совместного рассмотрения» этого вопроса с «правительством» данной страны²⁶.

Иначе говоря, исполнительная власть договаривается о внешнем финансировании «миростроительства», то есть о вовлечении своей страны в глобально-управленческие процессы, с должностным лицом ООН, представля-

ющим ее Генсека. Про участие в этом процессе парламента или, не дай Бог, общественности, включая любимое глобалистами «гражданское общество», не сказано ни слова, то есть налицо кулуарный механизм – не характер, а именно механизм – принятия важнейших политических решений.

Это или нечто другое понимается под «согласованными приоритетами» деятельности Фонда до конца не ясно, но нетранспарентность ситуации впечатляет.

Однако и это далеко не все.

«Управление (ООН – Авт.) по поддержке миростроительства возглавило усилия по разработке круга ведения, которым следует руководствоваться ...Фонду миростроительства.»

Разработка круга ведения велась на основе широких консультаций с организациями и органами системы ООН. ...Были проведены неофициальные консультации с заинтересованными государствами-членами, в том числе с делегациями стран, входящих в КМС...

Фонд миростроительства предназначен для поддержки мероприятий, которые считаются **чрезвычайно важными** для процесса миростроительства. ...Управлять Фондом под руководством Генерального секретаря будет глава Управления по поддержке миростроительства. ...Ключевую координирующую роль в процессе выделения и выплаты средств будет играть глава Управления по поддержке миростроительства...

Как Генеральная Ассамблея, так и КМС призваны играть важную роль в управлении Фондом. Будет назначена **независимая консультативная группа видных деятелей**, имеющих опыт деятельности в области миростроительства, которые будут предоставлять Генеральному секретарю соответствующие рекомендации...»²⁶ (курс. – Авт.).

Поскольку учредителем Фонда является Генсек, а средства, которые Фонд выделяет, следовательно, получа-

ются из бюджета ООН, устанавливается двойная отчетность. Причем право принятия реальных финансовых решений передается главе Управления ООН по поддержке миростроительства. Зафиксируем это как реальный механизм влияния этой структуры и этого «главы» (а также тех, кто за ним стоит) на деятельность и Комиссии, и самого Генерального секретаря.

Отдельно выделим «широкие консультации» с «заинтересованными» государствами-членами ООН и самой КМС, в том числе их, опять-таки, «неофициальный» характер. С учетом того, что Фонд финансирует «чрезвычайно важные» мероприятия, угадать наиболее «заинтересованных» анонимов несложно.

Предоставляющая рекомендации «независимая консультативная группа...», как говорит весь предшествующий опыт анализа, скорее всего, является эвфемизмом все тех же «частных и независимых групп» и контролируемых ими ключевых международных финансовых институтов – МВФ и Всемирного банка.

Особо подчеркнем отсутствие в «Круге ведения Фонда...» увязок с другими документами, которые определяют порядок финансирования глобально-управленческих процессов – Монтеррейским консенсусом и Дохийской декларацией. Следовательно, Фонд миростроительства является институтом целевого финансирования КМС, которое осуществляется отдельно от других институтов глобального управления.

И, наконец, в-шестых, выделим и жирно подчеркнем, причем, сделаем это еще раз! «Постконфликтное миростроительство и восстановление в странах, выходящих из конфликта» и все соответствующие «рекомендации» и «комплексные стратегии» выстроены на незыблемом для адептов «глобаль-

ного плана» фундаменте «устойчивого развития». Из этого следует, что «устойчивое развитие» является стержневой идеологемой, с помощью которой глобальное управление из сферы экологии и экономики распространяется в сферу политики и геополитики, становясь инструментом глобальной геостратегической экспансии вооруженного неонацистскими и неонацистскими идеями Запада против остального человечества.

О «необходимости обеспечения перехода от поддержки миростроительства к устойчивому развитию» говорится и в учредительном документе Фонда миростроительства²⁶.

А чего же вы хотели: «*The West and the Rest!*» Хантингтон умер, но его формула, являющаяся наиболее впечатляющей, после «*Mein Kampf*», демонстрацией западной «толерантности», благополучно пережила своего автора и выглядит сегодня «живее всех живых».

Теперь посмотрим, как именно осуществляется внедрение «устойчивого развития» в политику «миростроительства», которое авторами рассматриваемого материала именуется «широким взаимодействием» в политической и гуманитарной сферах, в области развития и безопасности:

«Генеральная Ассамблея (Совет Безопасности),...

...признавая, что (устойчивое – Авт.) **развитие, мир и безопасность и права человека взаимосвязаны и подкрепляют друг друга;**

признавая необходимость специального организационного механизма по удовлетворению особых потребностей стран, которые выходят из конфликта и становятся на путь восстановления, реинтеграции и реконструкции, и оказывая им помощь в закладывании основ устойчивого развития;

...17. подчеркивая также, что рекомендации Комиссии ...будут иметь особое

значение для ЭКОСОС, учитывая его роль как главного органа для координации, обзора *политики*, обсуждения *политики* и выработки рекомендаций по вопросам экономического и социального развития;

...22. рекомендуем также Комиссии прекращать свое рассмотрение положения в конкретной стране, когда там созданы основы для устойчивого мира и развития или по просьбе национальных властей рассматриваемой страны»²¹ (курс. — Авт.).

Здесь, на наш взгляд, требуют внимания две вещи.

Первая из них – привязка к Комиссии ЭКОСОС, который, как помним, одновременно является как исполнительным («главным экологическим») органом ПРООН, так и куратором межправительственной Комиссии ООН по устойчивому развитию. Из этого следует, что «устойчивое развитие» официально распространяют на всю гуманитарную проблематику, в том числе находящуюся в ведении ПРООН, публикующей ежегодные «индексы человеческого развития».

Второй момент: не должно вводить в заблуждение положение обеих резолюций о прекращении работы КМС «по просьбе национальных властей рассматриваемой страны». Прежде всего важно, что фактически обратиться с такой просьбой могут не любые власти, а только сформированные в процессе «миростроительства» и потому полностью лояльные КМС. Кроме того, в разъяснениях самой Комиссии указывается, что ее «взаимодействие с подобными странами» будет осуществляться до тех пор, пока «риск возобновления конфликта» (то есть восстановления суверенитета) не будет минимизирован.

Ряд любопытных соображений, на которых, на наш взгляд, следует остановиться, выявляется по ежегодным Докладам о работе Комиссии (за 2007–2009 гг.). В целом, их можно сгруппи-

ровать по трем основным темам: круг международных контактов и стратегия Комиссии; деятельность ее Рабочей группы по обобщению извлеченных уроков (здесь достаточно интересна проблематика, выносимая на официальные и неофициальные заседания Группы); состав Оргкомитета, динамика и особенности его изменений.

Прежде всего об основных направлениях работы КМС, первый и единственный раз появившихся в отчетном докладе за 2007 г. в разделе «В», посвященном работе «Структур КМС по конкретным странам» – Бурунди и Сьерра-Леоне.

Если суммировать выделенные в данном документе и «согласованные с правительствами» этих стран «приоритеты» (помимо таких «сквозных тем», как «обеспечение гендерного равенства и соблюдение прав человека»), то вырисовываются следующие направления деятельности КМС:

- содействие надлежащему управлению и укрепление демократии;
- укрепление законности и реформа «секторов» правосудия и безопасности;
- преодоление безработицы в среде молодежи;
- создание потенциала (то есть подготовка кадров, которые, с учетом содействия международных институтов в их подготовке, сохраняют к «внешнему управлению» максимальную лояльность – Авт.);
- обеспечение возрождения общин²⁷ (напомним, что в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1997 г. по «Повестке дня на XXI век» Комиссии ООН по устойчивому развитию вменялось в обязанность расширение взаимодействия с представителями основных групп «глобального гражданского общества», в том числе с «коренным населением и его общинами»²⁸).

Теперь – круг международных контактов КМС и интересующих ее руко-

водство тем для обсуждения в этом кругу:

«...Оргкомитет принял 16 мая 2007 года решение направить **МВФ, Всемирному банку, Европейскому сообществу** (представленному председательствующим в Совете ЕС и Европейской экономической комиссии – Авт.) и **Организации Исламская конференция** постоянные приглашения участвовать во всех заседаниях Комиссии, за исключением некоторых заседаний Оргкомитета, которые могут быть определены... как ограничивающиеся только участием государств-членов»²⁷.

«...19 декабря 2007 года Оргкомитет договорился о механизме участия **Европейского сообщества ...в заседаниях структур Комиссии по конкретным странам.**

...19 февраля 2008 года Оргкомитет провел обсуждение на тему: «Роль частного сектора в миростроительстве: вклад КМС». Представители **ПРООН, Международной финансовой корпорации Всемирного банка и Фонда международного партнерства ООН** были приглашены для участия, и им были предложены области возможного партнерства между их ...организациями и Комиссией в интересах поощрения участия внутрисударственного и международного частного сектора в миростроительстве...

...13 мая 2008 года Оргкомитет провел обсуждение на тему (sic!): «Обеспечение стратегического синергизма* в интересах миростроительства: роль КМС», в ходе которого **Постоянный представитель США (!) при ООН** и заместитель Генерального секретаря по операциям по поддержанию мира изложили свои взгляды на эту тему...

...19 июня 2008 года по приглашению Оргкомитета **Ж.Чиссамо**, представитель **Форума бывших африканских глав государств и правительств (Африканский**

форум) проинформировал Комитет по теме: «Миростроительство в целях создания государств, обладающих потенциалом, в Африке»²⁹ (курс. – Авт.).

«...25 августа 2008 года Председатель КМС ...выступил с докладом по теме «Миростроительство в Африке» на **Европейском форуме...** 10 сентября (здесь и далее 2008 г. – Авт.) – ...принял участие в дискуссии по теме «Ликвидация пробелов на раннем этапе восстановления: концепция КМС, касающаяся последующих мер» ...которая была организована ...ООН и **Фондом Ф.Эберта** в Нью-Йорке. ...18 ноября Председатель выступил на неофициальной встрече..., посвященной обсуждению работы **Семинара экспертов ООН** по критериям в области укрепления мира. 24 ноября – ...с докладом в **Университете мира в Коста-Рике.** 12 декабря – ...на открытии конференции по теме «СМИ и связи в процессе миростроительства»...

...18 марта 2009 года Оргкомитет провел интерактивный диалог с представителями **Европейского сообщества, МВФ и Всемирного банка** по вопросу о влиянии глобального экономического и финансового кризиса на страны, выходящие из конфликта...

...24 марта 2009 года в ходе визита в штаб-квартиры **МВФ и Всемирного банка** в Вашингтоне..., была подтверждена острая заинтересованность Комиссии в постоянном укреплении развивающихся партнерских отношений...

...27 и 28 марта 2009 года Председатель принял участие в **саммите прогрессивных лидеров** в Чили. Кроме того, он участвовал в серии научных семинаров и встреч в целях расширения осведомленности о работе Комиссии. («...О законности», «Миростроительство: роль диаспор» и т.д.); шестая встреча **Друзей по вопро-**

* Речь здесь идет о возведении в стратегию так называемой «синергетической теории глобализации», предполагающей, если не углубляться в детали, продвижение глобализации за счет смены фаз социального порядка и социального хаоса. Некоторые западные специалисты, например С.Манн из Института сложности (Санта-Фе, США), перешедший на работу в Государственный департамент США, как помним, предлагают сделать этот процесс необратимым и управляемым, направив его на достижение американского глобального господства.

сам безопасности человека; неофициальная выездная встреча **Фонда Стэнли** по теме «Миростроительство в постконфликтный период»...

...В дополнение и в качестве элемента стратегии Комиссии, направленной на более устойчивое распространение ее деятельности, на региональные организации, Председатель посетил штаб-квартиру **Организации американских государств** в Вашингтоне..., и встретился с ее генеральным секретарем.

...Председатель встретился с руководителем Отделения связи **Африканского союза** при ООН...

4 и 5 мая 2009 года Председатель посетил штаб-квартиры **Европейской комиссии и ЕС в Брюсселе**, где он обменялся мнениями со старшими должностными лицами этих организаций и выступил в поддержку постоянного участия Европейского сообщества в работе КМС...

...19 июня (2009 г. – Авт.) под руководством Председателя состоялось заседание группы экспертов по теме «Миростроительство в постконфликтный период» в ходе ежегодного мероприятия **«Специальные представители Генерального секретаря (ООН – Авт.) и государств-членов: на пути к интерактивному диалогу»**³⁰ (курс. – Авт.).

Итак, мы видим, что круг интересующих Комиссию вопросов и контактов никак не замыкается «рассматриваемыми» африканскими странами. Да и ответное стремление к взаимодействию с ней самого широкого круга учреждений, организаций и отдельных государств, из которых особо выделяются МВФ, Всемирный банк, США, ЕС и другие европейские структуры, а также работающие на глобальную олигархию «фонды и мозговые тресты», подтверждает высочайший статус КМС в системе глобальных институтов. Этот вывод наглядно иллюстрируется следующей выдержкой из отчетного доклада Комиссии за 2008 г.:

«Оргкомитет выработал общее понимание в отношении того, что **неофициаль-**

ные обсуждения вопросов стратегии и политики должны дополнять, а не дублировать работу структур по конкретным странам и Рабочей группы по обобщению извлеченных уроков, и что они будут приводить к результатам, которыми можно будет делиться с **более широким сообществом субъектов и заинтересованных сторон** в области миростроительства в рамках и за пределами ООН и которые могут быть полезными для них»²⁹ (курс. – Авт.)

«Полезными» для «заинтересованных сторон» «в рамках и за пределами ООН», как выясняется на примере деятельности Рабочей группы КМС по обобщению извлеченных уроков, являются результаты обсуждения следующих вопросов, рассмотренных этой группой в 2006–2009 гг.:

«...а) Уменьшение рисков и укрепление доверия в преддверие **постконфликтных выборов**; б) Установление **постконфликтных рамок сотрудничества**; с) Использование **региональных подходов к миростроительству**»²⁷ (курс. – Авт.).

Приведем наиболее известные нам примеры «постконфликтных выборов», скажем, на постсоветском пространстве, «извлеченные уроки» которых «обобщает» «Рабочая группа». Ясно, что наиболее ярко направленность этого «извлечения уроков» иллюстрируют выборы, прошедшие после «оранжевых» революций 2003–2004 гг. в Грузии и на Украине (тем более, что к Грузии у нас еще будет повод вернуться). Известно, что «сотрудничество» в этих случаях было установлено на условиях сдачи и унижения законной власти, а «региональные подходы» демонстрировались наплывом участников «интерактивного диалога» в лице представителей США, НАТО, ЕС и ОБСЕ.

«...а) Разработка и мониторинг **стратегических рамок миростроительства**; б) Ограничения, налагаемые на бюджетно-налоговый потенциал в постконфликтных странах; с)

Проблемы в области местного управления и децентрализации в послевоенных условиях; д) Возможности для расширения участия женщин в миростроительстве; е) Поощрение правосудия в периоды перехода; ф) Опасности, связанные с неспособностью внутреннего перемещения в послевоенных условиях; г) **взаимозависимости между окружающей средой, природными ресурсами, конфликтом и миростроительством**²⁹ (курс. – Авт.).

Движемся по порядку.

Фиксация внимания «Рабочей группы по обобщению...» на «стратегических рамках миростроительства» явно выводит данный процесс за рамки Африки. «Децентрализация», рассматриваемая применительно к «местному самоуправлению», на наш взгляд, является индикатором привязки этой темы к «глокализации». Пропаганда «расширения участия женщин в миростроительстве» (как, собственно, везде и всюду), как уже отмечали, указывает на то, что частью «глобального плана» является разрушение семьи как базового, основного традиционного общественного института.

«Поощрение правосудия» напрямую апеллирует к упоминавшейся нами «реформе сектора правосудия и безопасности» как одному из главных, причем четко артикулированных направлений деятельности КМС. Признание же наличия «взаимозависимости между окружающей средой, природными ресурсами, конфликтом и миростроительством» дополнительных комментариев не требует, ибо данный вопрос нами последовательно освещался на всем протяжении статьи.

«...а) Роль ООН в оказании помощи в области законности; б) Региональные подходы к процессу разоружения, демобилизации и реинтеграции в районе Великих озер Африки; в) Создание национального потенциала в постконфликтный период; д) **Координация КМС с региональ-**

ными и субрегиональными организациями; е) Прочная реинтеграция на общинном уровне в постконфликтных ситуациях»³⁰ (курс. – Авт.).

«Помощь в области законности» можно рассматривать в нескольких аспектах: в качестве внешнего управления процессами упоминаемой «реформы сектора правосудия и безопасности» в виде участия в процессе «миростроительства» наряду с иностранными войсками, иностранных полицейских миссий (о чем применительно к документам КМС говорилось выше) и т.д. «Региональные подходы» в африканских делах благополучно сочетаются с общими, фундаментальными вопросами – «координацией КМС с региональными и субрегиональными организациями» – теми же НАТО, ЕС, ОБСЕ. Каким именно образом это осуществляется – известно на примере многострадальной Югославии и особенно Сербии. Так, несмотря на то, что в составе КМС формально отсутствовала (и отсутствует) «Структура по Косово», этот конфликт носил ярко выраженный «миростроительный» характер, то есть был грамотно подготовлен, спровоцирован и, наконец, «урегулирован» с помощью сил НАТО.

Что касается «национального потенциала» и «реинтеграции на общинном уровне», то эти положения явно переключались в перечень «обобщенных уроков» из практики Сьерра-Леоне и Бурунди. Видимо стоящие за Комиссией глобальные олигархи решили, что настала пора включить эти приемы «вовлечения» стран и народов в «Новый мировой порядок» в «сокровищницу передового опыта» глобализации.

Как видим, и в деятельности Рабочей группы КМС общие, глобальные вопросы явно доминируют над частными, непосредственно касающимися «рассматриваемых» стран.

Какое отношение все это имеет к России и постсоветскому пространству в целом? Обратим внимание на одну интереснейшую деталь. А именно: динамику изменений состава Оргкомитета КМС, в члены которого с 23 июня 2007 г. была включена Грузия. В настоящее время она является единственной входящей в него республикой бывшего СССР, помимо Российской Федерации, пребывающей в Оргкомитете КМС бесценно и постоянно – в связи с наличием у нее статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Два главных и, разумеется, риторических вопроса, возникающих в связи с этим обстоятельством, звучат следующим образом: кто позаботился о включении официального Тбилиси в Оргкомитет²⁹ за год до агрессии против Южной Осетии, совершенной в дату, провозглашенную Декларацией тысячелетия днем «олимпийского перемирия»? И кто пролонгировал участие представленной режимом Саакашвили Грузии в составе Оргкомитета КМС на 2009–2010 гг.³⁰, несмотря на совершенные этим режимом военные преступления против югоосетинского народа?

Складывается четкое впечатление, что у истоков этой спецоперации по включению Грузии в руководящий орган Комиссии находились как раз те силы, которые планировали, а затем и всячески прикрывали эту грандиозную военную провокацию.

Таким образом, приходит понимание, что в августе 2008 г. в окрестностях Цхинвала был поставлен и решался вопрос о «десантировании» КМС на постсоветское пространство. И что лишь решительные и предельно жесткие действия России по разгрому вторгшейся в Южную Осетию грузинской группировки смогли помешать реализации этого губительного для нашей страны сценария.

Но если неприкрытую военную агрессию кто-то считает приемлемым методом «миростроительства» на постсоветском пространстве, то, стало быть, где и когда нам ожидать следующей локальной войны – в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Таджикистане и т.д.?

И, наконец, можно ли после этого сомневаться в том, что Комиссия ООН по миростроительству является продуктом куда более глубокого общефилософского замысла? Или в том, что ее появление связано с планами намного более серьезной трансформации мирового порядка, нежели прекращение кровопролития в ряде африканских стран, которые, как мы уже отмечали, до поры – до времени выполняют для КМС роль «учебного полигона»?

Учитывая известные различия между английскими терминами «peace» и «world», в отличие от общего для них русского термина «мир», вполне правомочным, на наш взгляд, выглядит символическое переименование «*The UN Peacebuilding Commission*» (официальное название КМС) в «*The UN Worldbuilding Commission*».

Таким образом, ООН-овский статус Комиссии по миростроительству, состав ее партнеров, официальные документы, а также продемонстрированные за пять лет особенности форм и методов работы позволяют рассматривать этот новый орган важнейшим инструментом глобального управления.

Понятны и основные подходы Комиссии к решению глобальных проблем, которые сводятся к поиску путей реализации «глобального плана» Римского клуба, и методы работы, основанные на положениях доклада «Более безопасный мир...» Группы высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам (2004 г.).

За основу деятельности КМС, как следует из проведенного анализа, взята четырехзвенная формула коллективной

безопасности «предотвращение – превентивность – применение силы – миростроительство», включающая, в том числе, планирование и провоцирование внутренних конфликтов, военное и гуманитарное вмешательство в них, пропуск «рассматриваемой» страны через процедуру «миростроительства» с заменой собственной цивилизационной ценностной системы глобализированной «универсальной», а суверенной элиты – ее компрадорским, коррумпированным суррогатом. Все это – с последующим «вовлечением» этой страны в процесс глобализации, которое осуществляется институтами и структурами глобального управления.

Еще одна важная, на наш взгляд, мысль. КМС последовательно связана, то есть имеет надежные каналы взаимодействия со всеми основными институтами всех семи уровней глобального управления.

Глобальная элита, собранная в Королевском институте международных отношений (КИМО), Совете по международным отношениям (СМО), Бильдербергском клубе и Трехсторонней комиссии, которые составляют первые три уровня, по-видимому, находится с Комиссией по миростроительству в системе отношений «начальник – подчи-

ненный». Или «заказчик – исполнитель», то есть задает правила игры.

Для четвертого уровня, представленного системой ООН, КМС – часть собственной структуры, тесно связанная с Секретариатом этой Организации через входящее в него Управление по поддержке миростроительства.

Пятый уровень – региональные организации, прежде всего НАТО, Европейский союз и ОБСЕ, объединены с КМС идеологией миротворчества и системой миротворческих миссий.

Шестой уровень – Социнтерн – ближайший институциональный партнер и идеологический единомышленник ООН; в структуре Интернационала действует Комиссия по устойчивому обществу. Идеологема «устойчивого развития», превращенная с помощью Социнтерна в базовую для входящих в него социал-демократических и социалистических партий, как следует из учредительных документов КМС, составляет основу ее деятельности по преобразованию мирового порядка. Наконец, структуры «гражданского общества», НПО и частный сектор, как мы убедились, для Комиссии также не только не чужды, но и приглашены к участию в ее работе.

Подведем краткий итог.

Торможение планов реформирования ООН, превратившихся в главное поле битвы между сторонниками и противниками «Нового мирового порядка», разочаровывает реализацию «глобального плана» Римского клуба в трех основных направлениях.

Первым из них видится активизация попыток воздействия на внутривнутриполитическую ситуацию в государствах, являющихся геополитическими противниками Запада, – в Китае и особенно в России. Очевидно, что для этого постараются максимально использовать предстоящую в 2012 г. ротацию властной элиты в КНР и избирательный цикл 2011–2012 гг. в Российской Федерации. Как именно это будет происходить (и уже происходит) – отдельная тема.

Второе направление – традиционная геополитика, связанная с принятием в ноябре 2010 г. новой, третьей по счету Стратегической концепции НАТО. Этот вопрос, также имеющий самостоятельное значение, подробно раскрыт в неоднократно упоминавшейся книге В.В.Штоля «Армия нового мирового порядка».

Частью геополитики является геоэкономика; борьба здесь сводится к конкуренции и столкновениям за контроль над природными ресурсами. Как именно это делается, каким образом, с помощью каких социальных и политических технологий «глобальное общее достояние» расширяется до масштабов всех «ресурсов Земли», нами рассмотрено весьма подробно.

Именно в геоэкономике, а, точнее, в предпринимаемых Западом настоящих попытках подменить ею геополитику, представив последнюю «устаревшей», «неадекватной» глобализирующемуся миру и т.д., проявляется стремление к переносу основной активности глобально-управленческих институтов и структур на *третье направление* реализации «глобального плана» бывшего Римского клуба. Его составляет эксплуатация и управление кризисными тенденциями, которые в настоящее время наиболее активно проявляют себя в экологии, экономике и мировых финансах, социальной сфере. Однако с помощью концепции «устойчивого развития» – этой базовой идеологии «Нового мирового порядка», глобальное управление последовательно расширяет сферу своего влияния, постепенно и без лишнего шума втягивая в нее все глобальные процессы, в том числе политические и геополитические.

Данные тенденции развивались давно, но приоткрылись только с разрушением СССР, после которого приобрели невиданную до этого динамику, связанную с расширением НАТО, развитием миротворчества и другими процессами, которые все более настойчиво увязываются с постоянно возобновляемыми планами реформирования ООН. Прodelывается все это, разумеется, исключительно под позитивными, гуманистическими, но при этом демагогическими лозунгами «борьбы с бедностью и нищетой», которые олицетворяются лицемерной ООН-овской формулой «Мы, народы...».

На «дальних подступах» к достижению этой цели олигархическими «частными и независимыми группами», составляющими ядро реальной политической власти в англосаксонском центре доминирующей западной цивилизации, взята на вооружение тактика постоянного создания и совершенствования неких новых структур, позиционирующих себя в качестве настоящей или, чаще, будущей альтернативы ООН и ее Совету Безопасности. Делается это с прямого одобрения самого руководства этой Организации, а также составляющей ее аппарат многочисленной космополитической бюрократии.

Ряд внутренних пертурбаций, вызванных до конца не выясненными причинами, привел к замене первоначально осуществлявшегося проекта, видевшего главным таким органом Совет экономической безопасности ООН, другим проектом. Созданная на его основе Комиссия ООН по миростроительству пока не претендует на реальную альтернативность Совбезу ООН, но стремительно набирает вес и авторитет, «тренируется», отработывает и «шлифует мастерство» в реализации поставленных перед ней амбициозных задач на наиболее бесправных и обездоленных странах Африки.

Очевидно, что выход ее с мировой периферии в геополитический центр, ассоциируемый всеми традиционными школами мировой геополитики с евразийским «Хартлендом», то есть с Россией, является лишь вопросом времени. (Первая попытка уже осуществлена в августе в 2008 г. в Южной Осетии).

Ибо концепция «миростроительства», представляющая собой – повторим это еще раз – инструмент реализации планов «устойчивого развития» в сфере геостратегии, явно ориентирована на заданное и управляемое разрешение многочисленных кон-

фликтов как уже существующих, в частности на постсоветском пространстве, так и потенциальных, «очаги» которых небезуспешно создаются с помощью другой глобально-управленческой концепции «еврорегионов». Представляя собой базовую стратегию ключевых европейских институтов, включая Европейский союз и Совет Европы, данная концепция подготавливает переход от первого этапа «глокализации» – разрушения крупных многонациональных государств, ко второму – объединению того, что от них осталось (и останется) в новую глобальную империю.

Предупреждением человечеству служит то обстоятельство, что в основу этого процесса положен базовый принцип замены естественного развития всемирно-исторического процесса его управляемым в определенных интересах паллиативом. Сформулированный еще в 1937 г. Гитлером и поддержанный его британским партнером по организации Мюнхенского сговора лордом Галифаксом, этот принцип в дословной интерпретации «фюрера» нацистского Третьего рейха звучит как замена «игры свободных сил» «господством высшего разума».

Примечательно, что и концепция «еврорегионов», представляющая собой следующий этап господства этого «высшего разума» применительно к Европе, уходит корнями в документ Верховного командования СС «Идея мира для новой Европы 1944/45», выдвинувший план трансформации Вестфальской системы в «Европейскую социалистическую конфедерацию».

Многое из сказанного в этой статье и изложенного в готовящейся к выпуску авторской монографии, свидетельствует о том, что современный Запад, прежде всего его англосаксонский центр, все более активно и последовательно движется к превращению в исторического наследника нацистского Третьего рейха. Покушаясь при этом на основы истории человечества, переписывая и трактуя их исключительно в собственных цивилизационных интересах.

Глобальный фашизм – подлинный «конец истории», в который Запад стремительно втягивает человечество, представляет собой следующий этап эволюции прозорливо предсказанного К.Каутским еще на заре XX в. «глобального империализма» – системы монопольной власти, перестроенной по принципу частной корпорации. Именно об этом говорил на рубеже XX–XXI вв. Д.Рокфеллер – одна из наиболее могущественных и зловещих фигур мировой истории и политики.

Как потенциальный инструмент «глобального фашизма», элиты современного Запада не только представляют собой смертельную угрозу для нашей страны. Но и являются подлинным «врагом всего рода человеческого».

Будем бдительны!

Примечания

¹ Павленко В.Б. Мифы «устойчивого развития»: глобальное потепление или «ползучий» глобальный переворот // Обозреватель–Observer. 2011 № 1.

² Документ ООН A/59/565, С. 65, пп. 183–184, С. 66; п. 195, С. 168; пп. 207–208, С. 71; пп. 190, С. 67; п. 197–198, С. 68–69; пп. 211–213, С. 72; п. 220, С. 74; п. 216, С. 73, п. 219, 74; пп. 224–226, С. 75–76; п. 227, С. 76; пп. 229–230, С. 77; п. 207, С. 71; п. 216, С. 73; п. 219, С. 74; п. 220, С. 74; п. 273, С. 89.

³ Документ ООН, A/RES/60/1, ст. 22, ч. d; Документ ООН A/65/L.1, п. 37, С. 10.

⁴ Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русская полиция // <http://lib.rus.ec/b/205915/read>.

⁵ Павленко В.Б. Мифы «устойчивого развития»: глобальное потепление или «ползучий» глобальный переворот // Обозреватель–Observer. 2010 № 11.

- ⁶ Документ ООН A/247/77, п. 55, С. 17; пп. 10–103, С. 44–45.
- ⁷ Документ ООН A/RES/55/2, гл. II, С. 2–3.
- ⁸ Цели развития тысячелетия // <http://ru.wikipedia.org/wiki>.
- ⁹ Документ ООН A/65/L.1, п. 21, С. 5.
- ¹⁰ Документ ООН A/RES/60/1, гл. III, С. 3–4; С. 1–2; С. 26.
- ¹¹ Цель развития тысячелетия 8. Глобальное партнерство в целях развития на решающем этапе. Доклад Целевой группы об осуществлении целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, 2010 г. // mdgreport2010.pdf, С. 1.
- ¹² Документ ООН A/CONF.198/11, ст. 69, п.с., С. 21; С. 20–21.
- ¹³ Документ ООН A/CONF.199/20, пп. 139–140, С. 79–80.
- ¹⁴ Устав ООН. Ст. 1, 2, 39, 41, 42, 45, 51, 52 // Антология мировой политической мысли / Семигин Г.Ю. – ред. В 5-ти томах / М., 1997. Т. V. С. 344–345, 354–355, 356–358.
- ¹⁵ Архив полковника Хауса / Уткин А.И. – ред. В 2-х томах. М., 2004. Т. 1. С. 211.
- ¹⁶ Наше глобальное соседство. Доклад Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. М., 1996. С. 70–71, 342–343, 19, 22, 161–162.
- ¹⁷ *Штоль В.В.* Армия нового мирового порядка. М., 2010. С. 212.
- ¹⁸ Комиссия ООН по миростроительству // <http://www.un.org/russian/peace/peacebuilding>.
- ¹⁹ Комиссия ООН по миростроительству. Вопросы и ответы // <http://www.un.org/russian/peace/peacebuilding/qanda.shtml>.
- ²⁰ *Lyne R., Talbott S., Watanabe K.* Engaging with Russia. The next Phase. A Report to The Trilateral Commission. Washington – Paris – Tokio, 2006. // Engaging_With_Russia.pdf.
- ²¹ Документы ООН A/RES/60/180 (30 декабря 2005 г.) и S/RES/1645 (20 декабря 2005 г.).
- ²² <http://www.un.org/russian/peace/peacebuilding/partners.shtml>.
- ²³ <http://www.un.org/russian/peace/peacebuilding/membership.shtml>.
- ²⁴ Временные правила процедуры Комиссии по миростроительству, утвержденные Организационным комитетом на его 1-м заседании 23 июня 2006 г. // Документ ООН PBC/1/OC/3, правило 4, п. б, С. 2; правила 1 и 5, С. 1, 3.
- ²⁵ Документы ООН A/RES/60/180 (30 декабря 2005 г.) и S/RES/1645 (20 декабря 2005 г.).
- ²⁶ Документ ООН A/60/984. Приложение. п. 1.2, С. 4; С. 1–3; п. 2.2., С. 5.
- ²⁷ Документ ООН A/62/137-S/2007/458, п. 13, 21; С. 8–9, 11–13; п. 8, С. 7; п. 26, С. 14.
- ²⁸ Документ ООН A/RES/S-19/2, пп. 133.
- ²⁹ Документ ООН A/63/92-S/2008/417, пп. 19–21, 23, С. 5–6; п. 18, С. 5; п. 57, С. 14; Приложение III (Членский состав Организационного комитета..., 23 июня 2007 г. – 22 июня 2008 г.).
- ³⁰ Документ ООН A/64/341-S/2009/444, пп. 13–14, 20–25, С. 3–5.; п. 64, С. 15; Приложение III (Членский состав Организационного комитета..., 1 января 2009 г. – 31 декабря 2010 г.).

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@ru.ru